

Александр Карфаген

Ведьма и наёмник

18+

Александр Карфаген

Ведьма и наёмник

«Автор»

2026

Карфаген А.

Ведьма и наёмник / А. Карфаген — «Автор», 2026

Никто не помнит, как выглядел мир до Магической Катастрофы. Теперь магия здесь — дикая, рваная и смертельно опасная. Заклинания срабатывают как лотерея, а попытка их обуздать часто оборачивается пеплом. Элайна знает цену нестабильности. Её дар вырывается наружу по своей воле, оставляя ожоги и страх. Единственный шанс не сгореть заживо, как её мать, — собрать осколки древнего кристалла. Каждый фрагмент делает магию послушнее. Каждый шаг отдаляет её от края. Но опасный путь не пройти в одиночку. Элайна нанимает Кейна — наёмника, который не верит в чудеса, доверяет только клинкам и контрактам, а магию считает фатальной ошибкой. Их путешествие — это рискованные кражи, погони по барханам, споры у костра и пугающая правда: чем сильнее их чувства, тем ровнее течёт магия. Кристалл не просто ищет свои части. История обещает быть очень захватывающей, густой на события и чувственной...

© Карфаген А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая.	5
Глава 1. Кошелёк или жизнь	6
Глава 2. Цена воды и ночного огня	12
Глава 3. Перекрёсток Ветров и цена стали	24
Глава 4. Между звёздами и песком	32
Глава 5. Вкус пыли и цена воды	41
Глава 6. Жажда и золото	49
Глава 7. Дорога к Белому Дворцу	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Карфаген

Ведьма и наёмник

Часть первая. ПРОЛОГ

Магия на Фрактусе не слушалась. Она билась под кожей, как пойманная птица, и в любой момент могла вырваться наружу. Элайна знала это по дрожи в пальцах. По ожогам, что не успевали заживать. По осколку на шнурке, пульсирующему в такт её сердцу. Маленький. Мутный. Единственное, что осталось от матери.

Она не помнила её лица. Только запах озона и гари. Только тишину, наступившую после того, как магия выжгла женщину изнутри, мать лишь успела накинуть шнурок на шею девочке и отскочить подальше. С тех пор Элайна носила камень не как память. Как якорь. Он глушил самые сильные всплески. Но одного осколка мало. Магия всё равно срывалась: вместо вызываемого дождя — град с куриное яйцо, который уничтожал посевы. Вместо маленькой искры для костра — пламя, обжигающее ладони. Иногда получалось как необходимо, но это скорее случайность, чем постоянство.

Сегодня пульсация изменилась. Стала чаще. Острее. Элайна прижала пальцы к шнурку — и из камня вырвался тонкий луч. Серебристая нить прорезала полумрак конюшни, указала на дверь. На улицу. На пыльный тракт за чертой города. Компас. Только он не указывал север. Он указывал на своих братьев, которые стремились вновь собраться в единый кристалл.

— Опять дёргаешься, — прошипел с плеча Зик, лениво высовывая синий язык. — Если рванёт сейчас, я драпаю первым.

— Не рванёт, — выдохнула Элайна. Туго перемотала бинты. Накинула плащ. — Ещё не время.

Осколок ответил тёплым толчком. Луч выпрямился.

Она толкнула дверь. Ветер ударил в лицо, принесся запах сухой земли и далёкой бури. Где-то гудели аномалии. Где-то рыли песок шаи. Мир не ждал спасителей. Но осколок звал.

Элайна сделала шаг за порог.

Нить дрогнула. И повела вперёд.

Глава 1. Кошелёк или жизнь

Ворота Пограничного остались позади. Элайна выдохнула, чувствуя, как с плеч спадает напряжение. В поселении магия давила на стены, как гроза перед дождём — тяжёлая, готовая разрядиться в любой момент. Здесь, в степи, ей было просторно.

— Ну что, Ветка, — пробормотала она, поглаживая лошадь по шее. — Остались сплетни, косые взгляды и дешёвое пиво. Впереди только песок, шай и полная свобода.

Ветка фыркнула. Лошадь на Фрактусе должна быть умнее другой скотины, иначе она не доживёт до зимы. Ветка была умной: знала, где не стоит щипать траву (там, где она светилась), и когда лучше встать как вкопанная (там, где воздух дрожал, как над костром).

Элайна поправила сумку. Осколок у ключицы пульсировал. Ровно. Спокойно. Будто тоже радовался, что они наконец убрались из людного места.

— Ты слишком расслабилась, — заметил Зик с её плеча. Ящерица лениво переставила лапы, устраиваясь поудобнее на кожаной накладке плаща. — Расслабленная ведьма — это ведьма, у которой заклинания разбегаются в разные стороны, как тараканы от тапка.

— Я не расслабилась, — возразила Элайна. — Я настроилась.

— Для меня разница только в том, сгорит ли мой хвост сегодня или завтра.

— Не сгорит. Я сегодня добрая.

— Добрые ведьмы — это миф, — фыркнул Зик. — Как и честные наёмники. Или шай-вегетарианцы.

Элайна усмехнулась. Ветка шла ровным шагом, выбивая копытами пыль. Тракт уходил на запад, к Песчаным Призракам. Там небо всегда было чуть темнее, будто присыпанное пеплом после Великой Катастрофы.

Они отъехали мили на две от ворот. Посёлок скрылся за холмом. Степь вокруг была пустой. Сухой песок шуршал под копытами.

— Скучно, — заявил Зик. — Никаких монстров. Никаких аномалий. Даже перекати-поле ленится кататься.

— Это хорошо, — сказала Элайна. — Мне нужно привыкнуть к дороге. Магия ещё нестабильна.

— Магия нестабильна, когда ты нервничаешь.

Элайна не ответила. Она чувствовала, как бинты на руках начинают зудеть. Предвестие. Магия копилась, искала выхода. Она прижала ладонь к груди, к осколку. Камень отозвался тёплым толчком. Тише. Ещё не время.

Кусты слева от дороги зашуршали.

Ветка остановилась. Уши прижались. Элайна натянула повод.

— Шаи? — спросил Зик, приподнимаясь на лапах.

— Нет. Шаи под землёй. Это... сверху.

Из зелени выпрыгнуло нечто.

Это был мальчик. Лет десяти, может, двенадцати. Чумазый, в лохмотьях, которые когда-то были рубахой. Волосы торчали в разные стороны, как будто он недавно вылез из стога сена. В руках он держал самодельный арбалет — доска, тетива из жил, болт с ржавым наконечником.

— Стой! — крикнул он. Голос сорвался на визг, но он попытался сделать его низким. — Кошелёк или жизнь!

Элайна моргнула. Напряжение внутри неё лопнуло, сменившись искренним весельем. Она видела на своём веку много угроз. Магические барьеры, клинки наёмников, зубастые твари из разломов. Но чумазый ребёнок с арбалетом из палки — это было что-то новенькое.

Зик на плече Элайны фыркнул так громко, что мальчик вздрогнул.

— Ого, — сказал ящерица. — Конкуренция растёт. Раньше только шаи требовали дань. Теперь дети в кустах сидят. Прогресс. Скоро начнут налоги собирать за проход или за воздух.

Элайна улыбнулась. Уголки губ дёрнулись, и это было первое искреннее движение за весь день. В этом мальчишке было что-то от неё самой лет десять назад. Такой же отчаянный. Такой же голодный. Только у неё тогда не было арбалета. У неё была палка и вера в то, что магия поможет.

— Уговорил, — сказала она спокойно. — Кошелёк.

Она не стала спорить. Не стала пугать. Просто протянула руку к его поясу, будто собираясь отвязать его худой мешочек. Но пальцы её слегка дрогнули — не от страха, от лёгкого, почти незаметного усилия.

Из кончиков пальцев, обмотанных бинтами, выскочили две крошечные искорки. Не огненные. Магические. Серебристые, как роса на паутине.

Искры юркнули в воздух, как живые, и нырнули прямо в кожаный кошелёк мальчика.

Мальчик даже пикнуть не успел.

Кошелёк дёрнулся. Ткань на дне вспыхнула тёплым светом — и прогорела. Аккуратно, ровно, как будто её вырезали невидимым ножом.

Монеты — медные, потёртые, честно, а может, и не очень, заработанные — посыпались на землю с тихим, но очень выразительным звоном.

Бряк. Бряк. Бряк.

Мальчик раскрыл рот. Потом раскрыл глаза ещё шире. Потом посмотрел на дымящийся кошелёк, потом на монеты в пыли, потом на Элайну.

— Это... это нечестно! — выдавил он наконец.

— А разбой — честно? — парировала Элайна, не меняя выражения лица.

Зик, не теряя ни секунды, вихрем слетел с плеча хозяйки. Зелёная молния с синим языком.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

Монеты исчезали в пасти ящерицы одна за другой. Не глотал — прятал за щеками, как опытный хомяк-рецидивист.

— Эй! — мальчик наконец обрёл дар речи. — Это моё! Верните!

— Это упало, — поправил Зик, запихивая последнюю медяшку. — Разница есть. Что упало — то пропало. Кто первый встал, того и тапки. А у меня, между прочим, лапы быстрее твоих мыслей.

— Отдай! — Мальчик сделал шаг к ящерице, забыв про арбалет.

Зик шипнул, приподнялся на лапах, демонстрируя острые, как иглы, коготки.

— Не советую. У меня зубы острые. И характер скверный. Могу укусить. Будет больно. И обидно.

Элайна вздохнула — с видом человека, который вынужден разнимать ссору между ребёнком и говорящей ящерицей. Она спешила. Ветка фыркнула, но осталась стоять смирно.

— Тётя ведьма, — прошептал мальчик, глядя на неё широко раскрытыми глазами. В них уже не было бравады. Только испуг и недоумение. — Отпустите...

Элайна присела на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. Бинты на руках были хорошо видны. Белые, грязные, местами прожжённые.

— Как зовут? — спросила она мягко.

— Ник... — выдавил мальчик.

— Ник. Слушай сюда. Магия — штука опасная. Особенно моя. Она не слушается. — Элайна показала руки. — Видишь? Это не украшение. Это цена.

Ник кивнул. Робко.

— Если бы я хотела тебя наказать, — продолжила Элайна, — ты бы сейчас не стоял. Ты бы горел.

Ник сглотнул.

— Но я не хочу, — сказала Элайна.

— Понял, — прошептал Ник.

— И ещё. — Элайна кивнула на Зика. Ящерица сидела с набитыми щеками, довольная, как сытый удав. — Это тебе урок. Не каждый кошелёк стоит того, чтобы его требовать. И не каждая девушка — беззащитная тётя.

— Я... я больше не буду, — быстро сказал Ник. — Честно.

— Верю, — сказала Элайна. — Иди домой. И арбалет почини. Тетива кривая. Если выстрелишь, отдача руку сломает.

Ник кивнул. Крепко сжал в руке прожжённый кошелёк.

— Тётя... а ты куда идёшь?

— На запад. К Призракам.

— Там смерть, — сказал Ник серьёзно. — Люди говорят. Там земля ходит. И змеи большие.

— Знаю, — Элайна взялась за повод. — Поэтому я и иду. Кто-то же должен проверить. Она села в седло. Ветка стояла смирно. Никаких искр. Никаких сбоев.

— Пока, Ник, — сказала она.

— Пока, тётя ведьма, — ответил мальчик. — И... прости.

— Не за что. Учись.

Элайна тронула повод. Ветка шагнула. Тракт снова потянулся под копытами.

Они отъехали метров на сто, прежде чем Зик заговорил.

— Ты слишком мягкая, — сказал он, устраиваясь на плече. — Нужно было ещё его потрясти. Инфляция на Фрактусе растёт. Медь сегодня стоит дороже, чем завтра.

— Он ребёнок, Зик.

— Он выживальщик. Как и мы. Сегодня ребёнок с арбалетом. Завтра взрослый с ножом. Ты ему жизнь подарила. Он этого не забудет. Или запомнит, что ведьмы слабые.

— Пусть помнит, что ведьмы умные, — поправила Элайна. — Это полезнее.

Зик помолчал. Вылизнул язык.

— Ты сегодня стабильнее, — заметил он вдруг. — После посёлка. Магия не дёргалась.

Элайна прижала ладонь к груди. Осколок пульсировал ровно. Тёпло. Спокойно.

— Может, потому что я не пыталась его контролировать, — сказала она.

— Или потому что ты перестала бояться сжечь чей-то дом, — парировал Зик. — Страх — лучший проводник для сбоев. Ты боялась в посёлке. Здесь — нет.

Элайна оглянулась. Посёлок скрылся за холмом. Осталась только пыль в воздухе. Впереди — степь. Пески. Разломы. И осколок, который тянул её вперёд, как компас.

— Куда луч? — спросила она.

Зик повернул голову, прищурился.

— Прямо. Вон туда, где небо темнее.

— Оазис?

— Возможно. Или могила. На Фрактусе разница небольшая. Вода часто там, где кто-то умер, борясь за неё.

Элайна усмехнулась. Погнала Ветку рысью.

Ветер бил в лицо. Плащ хлопал по спине. Бинты на руках начали зудеть — предвестие усталости. Но осколок грел. Не обжигал. Грел.

— Зик?

— Да?

— Если я начну гореть... сбей меня, отвлекли, чтоб и магия замерла.

— Чем?

— Хвостом. По лбу.

— Договорились. Но учти, мой хвост — оружие массового поражения. Будет синяк.

— Лучше синяк, чем пепел.

— Философски. Мне нравится.

Они ехали дальше. Солнце клонилось к закату. Тени удлинились, становились гуще. Где-то вдалеке, за горизонтом, земля гудела. Низкий, вибрирующий звук. Шай. Или аномалия.

Элайна не остановилась. Она знала: если остановится, страх вернётся. А со страхом вернутся сбои.

Осколок пульсировал в такт шагам Ветки. Раз. Два. Три.

Фрактус встречал их. Холодный. Опасный. Живой.

— Эй, хозяйка, — позвал Зик через час. — У нас вода есть?

— Полфляги.

— На двоих мало.

— На троих, — поправила Элайна. — Ветка тоже пьёт.

— Ветка траву ест. Вода для неё — роскошь.

— Тогда на двоих.

— Всё равно мало. Нужно найти источник и привал, костерок зажгём. К ночи температура упадёт. Ты замёрзнешь. Я впаду в спячку. Картина маслом.

— Найдем, — сказала Элайна. — Луч ведёт туда.

— Луч может вести в жерло вулкана.

— Тогда сварим суп.

Зик хмыкнул. Устроился удобнее.

Элайна молчала, она думала о матери. Ветка шла ровно. Впереди темнело. Небо над Песчаными дюнами стало почти чёрным. Звёзды проклёвывались сквозь магическую дымку.

— Я не она... — сказала Элайна.

— Надеюсь, — ответил фамилляр. — Я не выдержу потери ещё одной хозяйки..

Осколок дёрнулся. Резко. Больно.

Элайна остановила лошадь.

— Что?

— Он чувствует, — прошептала она. — Близко.

— Что близко?

— Другой осколок.

Зик поднял голову. Глаза расширились.

— Уже? Мы только выехали.

— Луч стал ярче. — Элайна сняла руку с поводья, прижала ладонь к груди. Ткань камзола светила изнутри. Серебристое сияние пробивалось сквозь кожу. — Он зовёт.

— Это хорошо, — сказал Зик. — Или плохо. Зависит от того, кто живёт рядом с ним.

— Узнаем.

Элайна тронула Ветку. Лошадь ускорила шаг. Впереди, в низине, виднелись огни. Не костры. Не фонари. Что-то другое. Холодное. Мерцающее.

— Оазис, — сказала Элайна.

— Или ловушка, — добавил Зик.

— Всё одно.

Она поправила капюшон. Проверила нож. Осколок бился в груди, как второе сердце.

И почему, когда она думает о пути, магия внутри не рвётся наружу, а ложится ровно, как вода в русло.

— Ветка, — позвала Элайна. — Идём.

Лошадь фыркнула. Шагнула в темноту.

А впереди, в песках, что-то отвечало осколку. Тихо. Ровно. Как эхо.

Глава 2. Цена воды и ночного огня

Жара на Фрактусе была не просто погодой. Она была хищником. Не видимым, не осязаемым, но настойчивым, как старый кредитор. Она вытягивала влагу из кожи, из глаз, из мыслей, оставляя взамен сухую, звенящую пустоту. К ночи легче не стало, воздух над степью дрожал так, будто земля под ними дышала тяжело и с присвистом. Каждый вдох казался глотком раскалённого песка, который скрёб горло изнутри.

Элайна облизнула пересохшие губы. Вкус пыли и железа. Треснувшая кожа губ болезненно стянулась. Фляга на поясе была лёгкой. Слишком лёгкой. Она потрясла её у уха — внутри плеснулось всего несколько капель. Звук был насмешливым. Этого не хватит даже чтобы смочить пересохшее горло, не то что напоить лошадь.

Ветка шла тяжело, опустив голову. Уши лошади вяло поводились из стороны в сторону, но без прежней энергии. Шерсть на боках слиплась от пота и пыли. На пустынных землях вода была ценнее золота. Золотом нельзя было умыться. Золотом нельзя было напоить коня. Золото не спасало от безумия, которое приходило вместе с обезвоживанием, когда миражи начинали шептать.

— Если мы не найдём воду в ближайший час, — прошипел Зик с её плеча, — я официально объявляю забастовку. Перестая комментировать твои ошибки и впадаю в анабиоз. Экономия ресурсов. Выживание вида превыше всего.

Ящерица лениво переставила лапы, устраиваясь поудобнее на кожаной накладке плаща. Его чешуя, обычно изумрудно-яркая, сейчас казалась чуть тусклее, будто тоже потеряла влагу и поблекла под безжалостным солнцем. Синий язык высовывался чаще, чем обычно, ловя редкие молекулы влажности.

— Анабиоз не спасёт от солнца, — ответила Элайна. Голос звучал хрипло, словно горло натёрли наждаком. — Ты просто высохнешь вместе со мной. И станешь отличным экспонатом для музея «Последняя ошибка ведьмы». Подпись: «Пытался сэкономить слюну в пустыне».

— Зато красиво. Как памятник нерадивой хозяйке и её голодной ящерице. Путешественники будут проходить мимо и говорить: «Смотрите, это те самые, кто пожадничал денег на вторую флягу. Не повторяйте их судьбу. Берите две».

Элайна усмехнулась, но улыбка вышла сухой, треснувшей. Она поправила повод. Ветка шагала тяжело, опустив голову. Лошадь тоже чувствовала жажду.

— Луч показывает туда, — Элайна кивнула вперёд, щурясь от солнца. Рука в бинтах автоматически коснулась груди, где под камзолом пульсировал осколок.

Серебристая нить, исходящая из-под ткани, вытянулась прямо. Она дрожала, будто чувствуя что-то большое. Впереди, за грядой песчаных дюн, виднелась зелень. Не серая, выжженная трава степи, а сочная, тёмная листва. Пальмы? Нет, слишком низкие. Кустарники, разросшиеся вокруг источника.

— Оазис, — констатировал Зик, приподнимаясь на лапах, чтобы лучше видеть. Он цеплялся когтями за ткань плаща, чтобы не соскользнуть от тряски. — Или иллюзия. На Фрактусе миражи бывают вкусными. Я однажды видел мираж жареной курицы. Шёл на запах три часа. Оказалось — гнилой кактус. Я чуть не отравился собственным разочарованием. А потом ещё три дня плевался колючками.

— Надеюсь, здесь вода настоящая, — сказала Элайна.

Они спустились в низину. Воздух сразу стал влажнее. Запах пыли сменился запахом сырой земли, гниющих листьев и чего-то ещё... Дым? Костёр?

Элайна натянула повод. Ветка остановилась, насторожив уши. Лошадь почувствовала опасность раньше человека. Она забила копытом о землю, фыркнула.

— Люди, — шепнула Элайна. Сердце ёкнуло. Не от радости встречи, а от привычного сжатия внутри.

— По запаху — пятеро. Может, шестеро, — Зик прищурился, его вертикальные зрачки сузились в ниточки. — И судя по тому, как они сидят... не паломники. Паломники не держат оружие на коленях. И не сидят кругом, спиной к спине. Это позиция обороны. Или засады.

Оазис был небольшим. Круглое зеркало воды, окружённое камышами и низкими деревьями с узловатыми корнями. У воды кострище, вокруг него пятеро мужчин. Одни в кожаных куртках, другие с голым торсом. Не походный лагерь. Привал. Типичный для пустошей сброд, который живёт за счёт тех, кто ещё верит в безопасность дорог. Бандиты. Мародёры. Или просто те, кто решил, что чужая вода важнее чужой жизни.

— Объемем? — спросил Зик. Его голос стал тише, серьезнее. Юмор испарился, осталась только холодная оценка рисков.

— Ветка не выдержит до утра без воды, — Элайна спрыгнула с седла. Ноги затекли, колени хрустнули. Земля покачнулась под ногами. — Я быстро. Наберу воды. Уйду. Они даже не заметят.

— План отличный, — сказал Зик. — Особенно часть про «они не заметят». Пятеро вооружённых мужчин в пустоши. Они замечают всё. Особенно одиноких женщин.

— Заткнись, Зик, — огрызнулась Элайна, и проверила капюшон ещё раз.

Она поправила капюшон, натягивая его глубже. Белая прядь должна была остаться скрытой. Рыжие волосы тоже лучше не светить. На Фрактусе рыжих считали либо ведьмами, либо сумасшедшими. Чаще и теми, и другими. Она поправила бинты на руках. Белая ткань выделялась на фоне пыли, но снимать их было нельзя. Кожа под ними всё ещё ныла после вчерашнего сбоя.

Она привязала Ветку к сухому стволу в тени деревьев, подальше от света костра.

— Стой тихо, — прошептала она лошади, поглаживая по влажному носу. — Если заржёшь — укушу.

Ветка фыркнула, но осталась стоять. Лошадь понимала.

Элайна взяла пустой бурдюк. Подошла к краю воды. Мужчины у костра замолчали. Она чувствовала их взгляды спиной. Тяжёлые, липкие, оценивающие. Как прикосновения грязных рук.

— Эй, путница, — окликнул один. Высокий, с лысиной и шрамом через всю щёку. Он даже не обернулся, просто посмотрел на её отражение в воде. Голос был хриплым, пропитанным дешёвым вином. — Заблудилась?

Элайна остановилась. Не обернулась. Присела у воды, начала набирать воду в бурдюк. Звук льющейся жидкости казался оглушительно громким в тишине оазиса.

— Нет, — ответила она. Голос старалась сделать ровным, без дрожи. — Просто нужна вода.

— Да? — второй голос, моложе, с хрипотцой. — А лицо показать не хочешь? Вдруг ты страшная. Нам потом кошмары будут сниться. А у нас и так нервы шаи треплют.

Раздался смех. Грубый, короткий. Смех людей, которые привыкли брать своё силой. Смех тех, кто считает слабых своей добычей.

Элайна завязала бурдюк. Пора уходить. Она выпрямилась и повернулась.

Мужчины встали. Трое подошли ближе. Оружие в руки не брали, но руки держали рядом с ножами. Там, где легче всего хвататься за рукоять.

— И правда девчушка, — сказал лысый. Ухмыльнулся, обнажая желтые зубы. Из рта пахло кислятиной. — А мы думали, под капюшоном скрывается старый шаман. Приятный сюрприз.

— Я просто прохожу, — сказала Элайна. Шагнула назад. — Мне ничего не нужно.

— Как это ничего? — третий, самый молодой, с прыщами на подбородке, сделал шаг к ней. Он преградил путь. — Вода наша. Земля наша. Ты прошла по нашей земле. Пила нашу воду. Нужно платить.

— У меня нет денег, — соврала Элайна. Рука медленно скользнула к поясу, где висел нож. Пальцы нащупали рукоять. Холодная сталь успокаивала.

— Плата - это не обязательно монеты, — сказал лысый. Глаза его скользнули по её фигуре, задержались на груди, на бёдрах, на закрытом капюшоном лице. — Мы люди простые. Нам мало надо. Немного тепла. Немного компании.

— Отпустите, — сказала Элайна. Голос дрогнул. Не от страха. От злости. Магия внутри шевельнулась, почувствовала напряжение. Осколок у ключицы пульсировал чаще.

— А если не отпустим? — Молодой протянул руку, хотел коснуться её рукава. Его пальцы пахли табаком и грязью. — Пожадничаешь — хуже будет. Мы ведь не злые. Просто одинокие. Давно женщин не видели.

Его пальцы коснулись ткани плаща.

В этот момент Элайна перестала думать. Перестала контролировать. Магия внутри неё вскипела, как вода в котле. Не было заклинания. Не было слов. Только желание: Убейтесь.

Она выбросила руку вперёд.

Воздух сгустился. Стал плотным, как стена. А потом рванул.

Ударная волна вышла невидимой, но ощутимой. Песок у ног мужчин подпрыгнул облаком. Траву прижало к земле. Костёр вспыхнул зелёным пламенем и тут же погас, будто кто-то выдул из него жизнь. Искры разлетелись во все стороны.

Трое разбойников отлетели назад. Не далеко. Метра на два. Но упали. Один ударился спиной о камень. Второй сел в пыль. Третий удержался на ногах, но глаза его округлились от ужаса.

— Ведьма! — крикнул кто-то. Голос сорвался на визг.

Элайна сама замерла. Она посмотрела на свою руку. Бинты под пальцами начали дымиться. Запах палёной ткани ударил в нос. Ладони вспыхнули болью. Острой, горячей. Будто она схватила раскалённый уголь.

Сработало, — пронеслось в голове. Чисто. Без сбоя.

Но цена уже требовала оплаты. Кожа под бинтами пекла нещадно. Она чувствовала, как жар поднимается выше, к запястьям. Магия, вырвавшись наружу, не хотела униматься. Она жгла каналы, по которым текла.

— Беги! — шипнул Зик.

Элайна рванула. Подхватила бурдюк с воды. Он был тяжёлым, мокрым. Она побежала к Ветке.

— Держи её! — орал лысый, поднимаясь. Лицо покрыто песком. — Ловите!

Один из них, тот что удержался на ногах, бросился за ней. Выхватил нож. Лезвие блеснуло в сумерках.

Элайна добежала до Ветки. Нога в стремя. Рывок. Лошадь, почувствовав страх хозяйки, рванула с места без команды.

Разбойник сделал выпад. Лезвие чиркнуло по сапогу Элайны. Повезло, только оцарапал. Кожа осталась цела.

Ветка взвилась на дыбы, перепрыгнула через куст и вынесла хозяйку из оазиса.

— Быстрее! — крикнула Элайна.

Она не оглядывалась. Слышала только крики позади, топот, но лошади у них были дальше, у костра. Они не успеют оседлать.

Ветер бил в лицо.

Бинты горели. Она чувствовала, как жар поднимается выше, к запястьям. Магия, вырвавшись наружу, не хотела униматься. Она жгла каналы, по которым текла.

— Ветка, влево! В дюны! — скомандовала Элайна.

Нужно было сбить след. Песок хуже держит отпечатки копыт, чем земля.

Лошадь послушно свернула. Они взбирались на бархан. Спускаться было сложнее. Ветка скользила, но удерживала равновесие.

Когда они оказались за грядой дюн, Элайна остановилась. Перевела дух. Оглянулась.

Оазис скрылся. Никакой погони.

— Живы? — спросил Зик, подползая к её шее. Чешуя его дрожала.

— Живы, — прошептала Элайна. Спрыгнула с седла. Ноги подкосились. Она села на песок.

Руки тряслись. Она начала разматывать бинты.

Под тканью кожа была красной, местами покрыта свежими волдырями. Ожоги легли поверх старых шрамов. Крови не было, только мясо, обожжённое изнутри.

— Больно? — спросил Зик.

— Терпимо, — соврала Элайна. Достала банку с мазью. Начала намазывать. Мазь щипала. Она стиснула зубы, чтобы не застонать.

— Знаешь, что это было? — Зик сидел рядом, наблюдая, как она работает.

— Магия, — сказала Элайна. — Впервые... впервые получилось так, как я хотела. Без бабочек. Без взрывов. Просто волна.

— Потому что ты не пыталась её сделать, — сказал Зик. — Ты просто хотела выжить. Магия любит искренность. Особенно когда речь идёт о защите. Но цена, хозяйка... Цена растёт.

Элайна молчала. Смотрела на руки.

— Они были правы, — тихо сказала она.

— Кто?

— Те мужчины. — Элайна кивнула в сторону оазиса. — Мне нужна охрана.

— Я же есть, — напомнил Зик. — Я отличный охранник. Я громко шиплю и больно кусаю. И я очень харизматичный.

— Ты ящерица, Зик. Тридцать сантиметров длины. Против пятерых с ножами ты бессилен.

— Психологическое давление — тоже оружие.

— Не сегодня.

Элайна закончила бинтовать. Руки теперь выглядели как два толстых батона. Белые, плотные.

— Мы не дойдём до следующего оазиса без охраны, — сказала она. — Там могут быть такие же. Или хуже. Шаи. Аномалии. Я не могу постоянно выбрасывать волны. Меня сожжёт изнутри. Я чувствую... как будто вены наполнены расплавленным свинцом.

— Значит, нужен наёмник, — заключил Зик.

— Значит, наёмник.

Элайна достала из сумки карту. Старую, потёртую, с выцветшими линиями. Она расстелила её на коленях, прижала камнем, чтобы не улетела.

— Где мы?

— Примерно здесь, — Зик ткнул когтем в пятно, обозначавшее дюны. — А луч кристалла куда показывает?

Элайна приложила руку к груди. Осколок пульсировал. Луч пробился сквозь ткань, упал на карту. Серебристая точка света указывала на запад. Там, где линии сходились, было обозначение поселения.

— «Перекрёсток Ветров», — прочитала Элайна. — Торговый пост.

— Там есть люди?

— Должны быть. Караваны останавливаются. Наёмники тоже.

— И деньги у тебя есть?

Элайна похлопала по поясу. Мешочек был на месте.

— На неделю хватит, — сказала Элайна. — Потом рассчитаюсь. Я могу чинить амулеты. Вызывать дождь. Снимать усталость.

— Люди любят дождь, — заметил Зик. — Особенно в пустыне. Это хороший товар. Но помни: наёмники не любят ждать оплаты. Они любят золото сейчас.

— Аванс дам. Остальное потом.

— Тогда решено. Ночуем здесь. Утром идём на Перекрёсток.

Элайна поднялась. Ветка стояла рядом, жевала сухой куст, который удалось найти в тени камня.

— Нужно поставить лагерь, — сказала Элайна. — Здесь есть камень. За ним ветер не так силён.

Они перетаскивали вещи. Элайна развела маленький костёр. Не магический. Обычный, из сухих веток, которые собрала вокруг. Огонь был слабым, но давал тепло.

Ночь на Фрактусе была чёрной. Звёзды пробивались сквозь магическую дымку, мерцали неровно. Где-то вдалеке шуршали о песок шаи. Звук был низким, вибрирующим, будто земля гудела под ними.

Элайна сидела у костра, ожоги ныли.

— Ты думаешь о матери? — спросил Зик вдруг.

Элайна вздрогнула.

— О чём?

— О том, что она тоже искала помощь. Или думала, что справится одна.

— Я не она, — повторила Элайна. В который раз за день.

— Я знаю. Но кровь есть кровь. Дар есть дар. Ты боишься стать ею.

Элайна посмотрела на огонь.

— Я боюсь не стать ею. Я боюсь умереть, как она. В одиночестве. Сгореть так, что даже пепла не найдут.

Зик помолчал. Потом лёг ей на колени, свернувшись калачиком.

— Спи, хозяйка. Я подежурю. У меня глаз не закрывается. Буквально.

— Спасибо, Зик.

Элайна легла на плащ. Закрыла глаза. Но сон не шёл.

Она слышала, как шумит ветер в дюнах. Как трещит огонь.

И она чувствовала осколок. Он не спал. Он пульсировал медленно, ровно. Будто ждал утра.

Завтра, — подумала Элайна. Завтра я найму кого-нибудь. Высокого. Злого. Чтобы не задавал вопросов. Чтобы просто стоял рядом.

Она не знала, что судьба уже готовила ей встречу. Что в поселении «Перекрёсток Ветров» сидел человек, который тоже не верил в чудеса.

Что его звали Кейн. И что у него тоже были шрамы. И тоже была причина не доверять магии.

Но пока было только ночь. Песок. И девушка с обожжёнными руками, которая училась просить о помощи.

— Зик?

— М?

— Если я завтра найму наёмника... ты не будешь злиться?

— На человека? — Зик фыркнул. — У него даже чешуи нет. Что с него взять.

— Он будет получать деньги.

— Спокойной ночи, хозяйка. Не гори завтра.

— Постараюсь.

Элайна закрыла глаза. Впервые за долгое время ей не снились кошмары. Снилось вода. Чистая, холодная. И тишина.

Утро наступило слишком быстро.

Шая — огромная змея, обитатель пустынь Фрактуса. Из-за магической катастрофы её природа исказилась: она не просто хищник, а существо, частично переплетённое с остатками древних чар.

Ключевые черты Размеры. Длина — до 30 метров, толщина — с крупное дерево. Тело покрыто чешуёй, переливающейся, как песок под закатом: от охры до тёмно-золотого.

Магия. Из-за катастрофы шая не контролирует свою гипнотическую силу — она действует постоянно в радиусе 10–15 метров. В зоне влияния жертвы впадают в оцепенение, видят яркие иллюзии (оазисы, близких людей) и сами идут к змее.

Жестокость. Шая не убивает сразу: она наслаждается страхом, играет с добычей, заставляя её переживать кошмары наяву.

Способ охоты. Зарывается в песок, оставляя на поверхности лишь гребень вдоль спины. Когда жертва приближается, резко выскакивает, гипнотизирует и заглатывает целиком.

Уязвимость. Магия шая нестабильна: в моменты магических возмущений (когда в Фрактусе «сбоит» колдовство) гипноз ослабевает, и она становится уязвимой.

Интеллект. Разумна, но чужда человеку: мыслит категориями вечности и голода. Говорит на древнем языке, напоминающем шипение песка и ветра.

Особенности физиологии. После проглатывания жертвы шая может на несколько дней впасть в транс — она переваривает не только тело, но и воспоминания, эмоции, обрывки магии. Это делает её ещё опаснее: со временем она «впитывает» знания и навыки съеденных путников.

Глава 3. Перекрёсток Ветров и цена стали

Элайна ехала молча. Ветка шла тяжело, опустив голову. Ожоги на руках ныли, пульсируя в такт шагам лошади. Бинты, перемотанные вчера вечером, уже пропитались сукровицей. Каждое движение пальцами отзывалось острой болью.

— Мы почти пришли, — сказал Зик с её плеча. Ящерица приподнялась на лапах, шуря золотые глаза против солнца. — Чувствую запах жареного мяса и дешёвого вина. Это либо таверна, либо место преступления.

Элайна прищурилась. Впереди, за последней грядой дюн, виднелось поселение. Дома, лепленные из глины, сливались с цветом земли. Над воротами висела вывеска: череп быка с выбитыми глазами.

— Перекрёсток Ветров, — прочитала Элайна. — Выглядит... тихо.

Они въехали в поселение. Улицы были пустыми. Жара загнала всех внутрь. Только собаки лениво провожали их взглядом из тени.

— Куда? — спросил Зик.

— Где люди пьют, там и наёмники, — ответила Элайна. — Ищи вывеску.

— Там, — Зик ткнул когтем в сторону большого здания в центре площади. Над дверью висела деревянная кружка, расколотая пополам. — «Расколотая Кружка». Классика.

Элайна спрыгнула, привязала Ветку к кольцу в стене.

— Постой здесь. Если кто тронет — кусай.

Ветка фыркнула. Элайна поправила плащ, проверила, скрыт ли осколок под тканью. Вдохнула. Выдохнула.

— Готова? — спросил Зик.

— Нет, — честно ответила Элайна. — Но выбора нет.

Она толкнула дверь.

Дверь оказалась тяжелее, чем выглядела. Элайна навалилась плечом, сделала шаг внутрь — и зацепилась ногой за высокий порог.

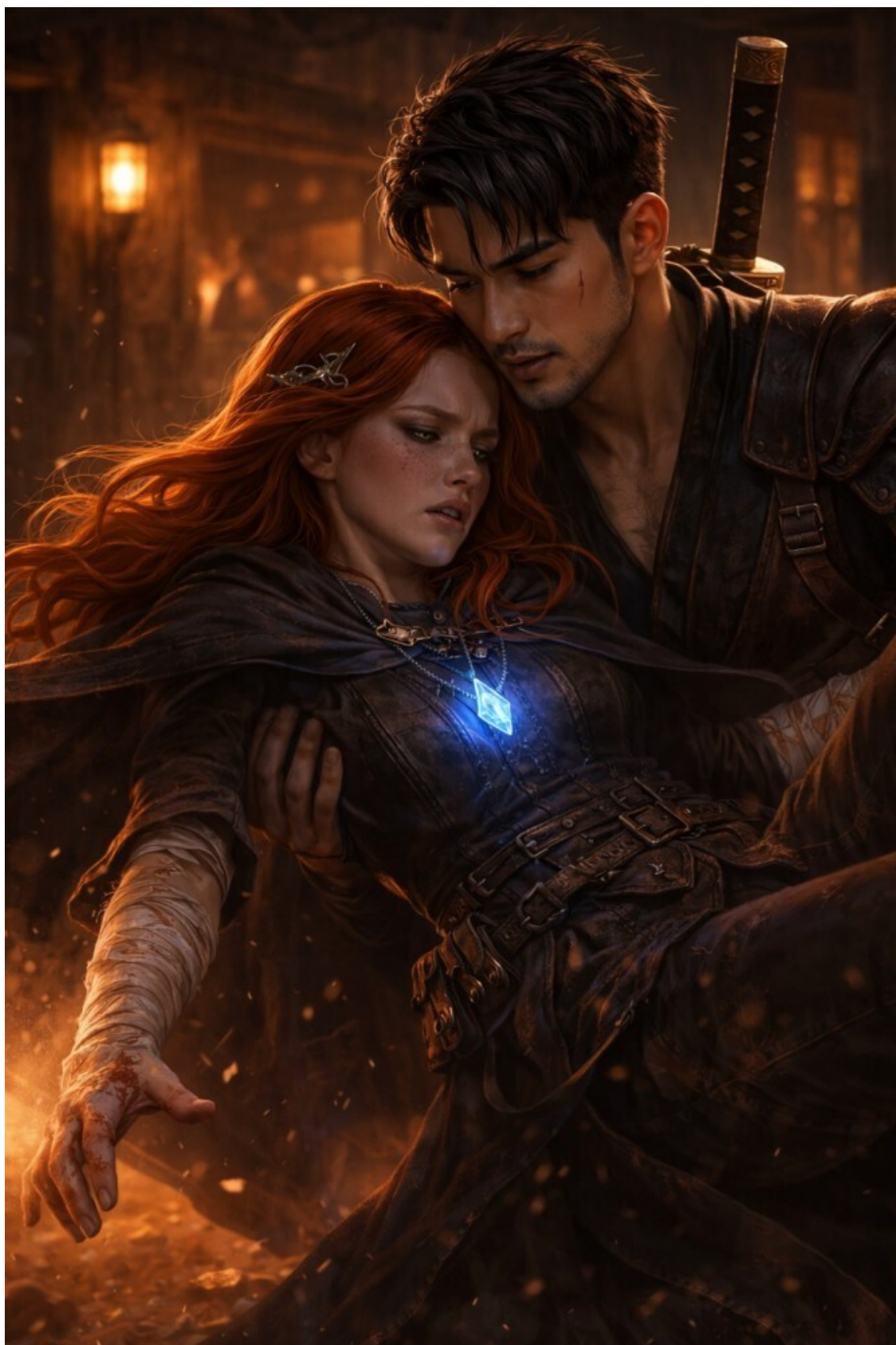
Время замедлилось.

Она почувствовала, как равновесие покидает её. Руки взметнулись вверх, пытаясь ухватить воздух. Бинты размотались на мгновение, обнажив красную кожу ожогов. Осколок у ключицы дёрнулся, вспыхнув холодным светом.

И она полетела.

Прямо в человека, стоявшего в тени у стойки.

Он поймал её. Машинально. Одна рука обхватила её талию, другая — предплечье. Твёрдо. Надёжно. Без усилий, будто она весила не больше мешка с перьями.

Элайна замерла. Его запах ударил ей в лицо — кожа, сталь, пыль дороги и что-то ещё... дым. Холодный, старый дым.
Она подняла глаза.

Тёмные. Карие, почти чёрные. Шрам над левой бровью пересекал кожу белой нитью. Волосы короткие, тёмные. Лицо покрыто щетиной.

Он посмотрел на неё. Без эмоций. Без интереса. Просто оценил угрозу.

— Прости, милая, — сказал он. Голос низкий. Хриплый. — Не знакомлюсь.

Отпустил её. Развернулся. Вышел из таверны.

Дверь захлопнулась у него за спиной.

Элайна осталась стоять. Руки всё ещё помнили тепло его ладоней. Осколок у ключицы пульсировал странно — не быстрее, не медленнее. Ровнее. Будто настройка после долгого диссонанса.

— Ну вот, — сказал Зик с её плеча. — Ты врезалась в первого встречного. Это новый уровень неуклюжести. Даже для тебя.

— Заткнись, — прошептала Элайна.

Она выпрямила плащ, натянула капюшон глубже. Подошла к стойке.

Трактирщик, толстый мужчина с повязкой на глазу, смотрел на неё. Его единственный глаз был мутным, но видел, казалось, всё.

— Что надо? — спросил он.

— Комната не нужна, — сказала Элайна. Оперлась локтями о стойку. Бинты на руках были заметны. — Мне нужен наёмник. Надёжный.

Трактирщик усмехнулся. Зубов не хватало на нижней челюсти.

— Надёжного? Здесь? Девочка, ты не в столице. Здесь надёжные только крысы. Они убегают первыми, когда дом горит.

— Мне нужен меч, — сказала Элайна. — Не крыса.

Трактирщик посмотрел на дверь. Потом на неё.

— Ты уже столкнулась с ним у входа.

Элайна моргнула.

— Это был...

— Кейн, — кивнул трактирщик. — Если он не выкинул тебя на улицу — значит, день удался. Обычно он менее вежлив.

— Где его найти?

— Возле коновязи. Чёрный конь, чёрный плащ, чёрное настроение. Не пропустишь.

Элайна кивнула. Развернулась. Вышла.

Солнце било в лицо. Она прищурилась.

Возле коновязи, у стены таверны, стоял тот самый человек. Он поил коня из деревянного корыта. Чёрный, крупный зверь с умными глазами. На поясе — два клинка. За спиной — лук в чехле.

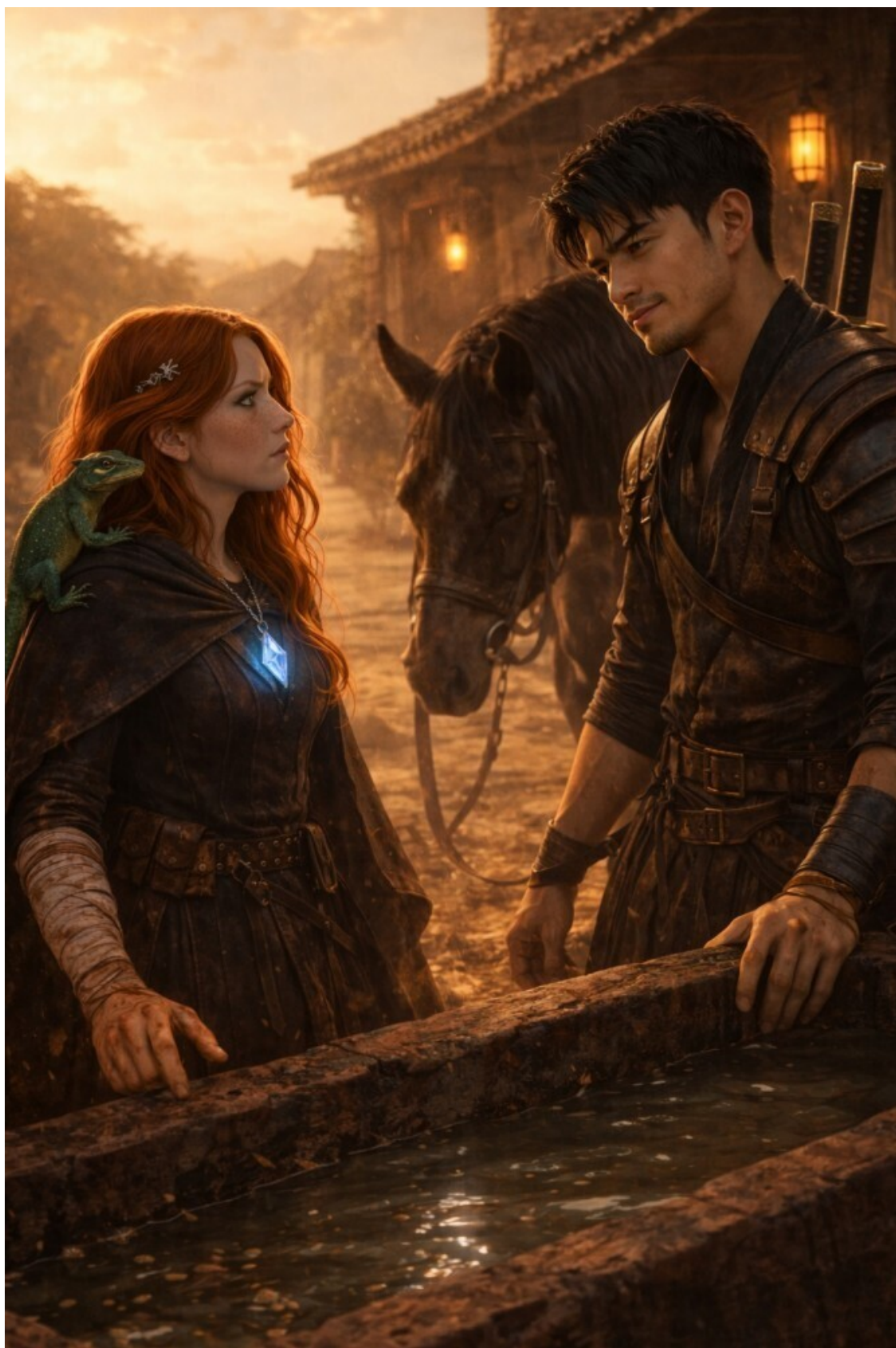
Он не обернулся, когда она подошла.

— Я же сказал, — произнёс он, не поднимая головы. — Не знакомлюсь.

— Да я по делу, — сказала Элайна. Остановилась в трёх шагах. Не ближе. Инстинкт самосохранения шептал: не нарушай дистанцию хищника.

Кейн поднял голову.

Взгляд скользнул по ней. Остановился на бинтах. Задержался.

— Какой?
— Проводник. Через Пески. До Джунглей.
Кейн усмехнулся. Уголок губ дёрнулся.

— Через Пески? Там шаи.

— Знаю.

— Там аномалии.

— Тоже знаю.

— Там никто не ходит.

— Я пойду.

Кейн смотрел на неё. Долго. Элайна выдержала взгляд. Не опустила глаза. Она чувствовала, как потеют ладони под бинтами.

— Почему я? — спросил он наконец.

— Тебя рекомендовал трактирщик, — сказала Элайна.

Кейн наклонился. Чуть вперёд. Свет упал на его лицо. Шрам над бровью. Жёсткая линия челюсти.

— Сколько?

— 7 Золотых, — сказала Элайна. — Аванс сейчас. Остальное по прибытии.

Кейн покачал головой.

— Мало, — сказал он. — Жизнь дороже. Особенно в Песках.

— Что ты хочешь?

— Я хочу знать, зачем тебе туда. Никто не идёт в Пески просто так. Там нет городов. Нет сокровищ. Только смерть.

Элайна замерла. Рука невольно коснулась груди. Осколок пульсировал. Она не могла сказать правду. Не здесь. Не ему.

— Это моё дело, — сказала она.

— Тогда ищи другого.

Кейн повернулся к коню. Продолжил поить.

Элайна сглотнула. Она не могла уйти. Не сейчас. Вчерашний день показал ей цену одиночества. Оазис. Разбойники. Ожоги.

— Подожди, — сказала она. — Я заплачу двойную ставку. Вперёд. За каждую неделю.

Кейн обернулся. В его глазах появилось что-то похожее на интерес. Не романтический. Профессиональный.

— Почему только за неделю?

— Потому что если я умру на второй неделе — зачем мне тратить деньги за месяц?

Кейн смотрел на неё. Потом кивнул. Медленно.

— Умно, — сказал он. — Для ведьмы.

Элайна замерла.

— Что?

Кейн сделал шаг к ней. Впервые сократил дистанцию. Его взгляд упал на её руки. На бинты. На ткань, местами пропитанную сукровицей.

— Бинты, — сказал он. — Не от ран. От ожогов. Магических. — Он поднял глаза. — Ведьма?

Воздух между ними сгустился.

Элайна не ответила сразу. Она чувствовала, как осколок у ключицы пульсирует ровнее. Будто признал что-то. Что-то важное.

— Да, — сказала она наконец. — Ведьма.

— Нестабильная магия?

— Да.

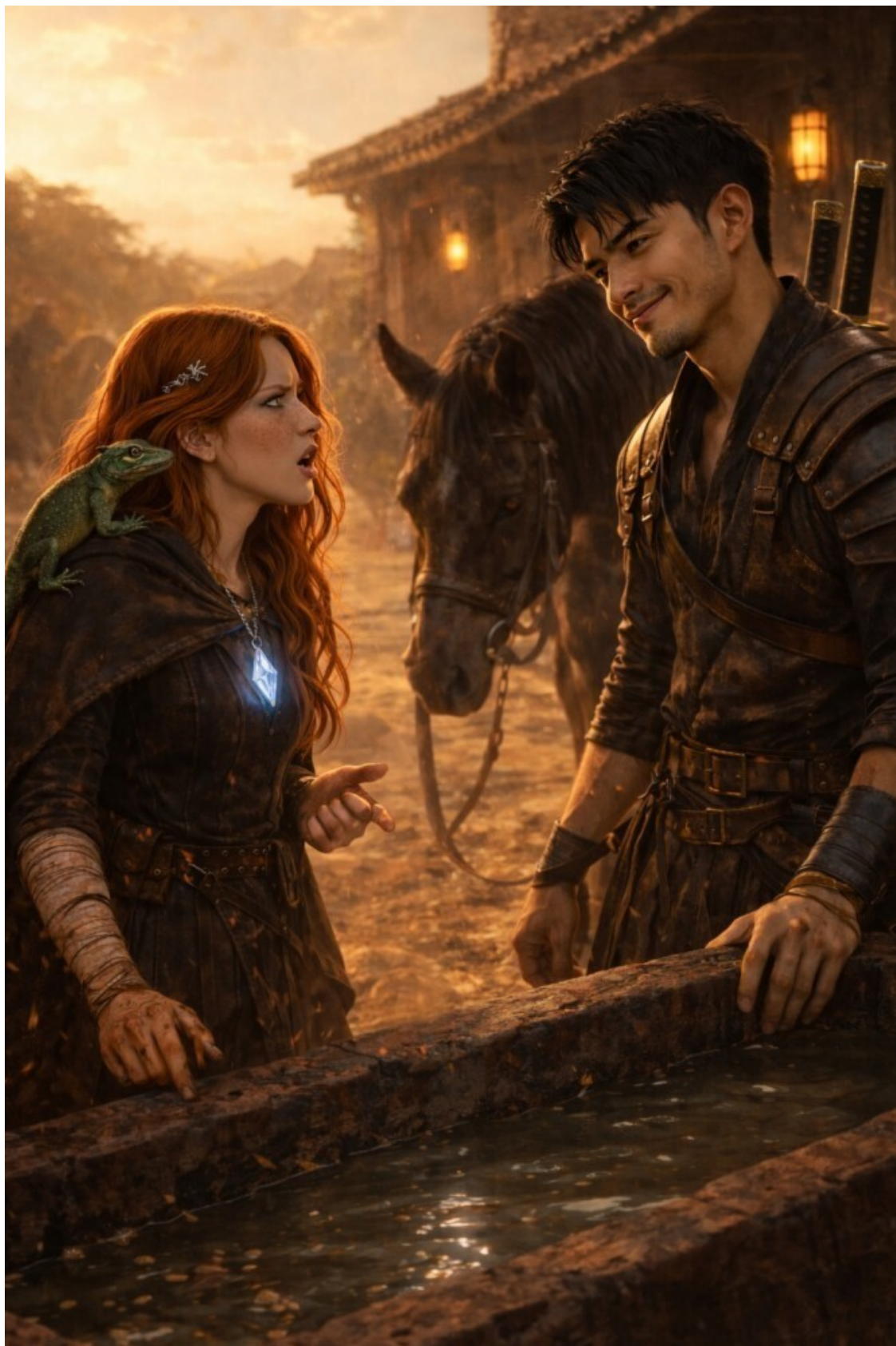
— Опасная?

— Очень.

Кейн кивнул. Медленно.

— Тогда мне нужно больше золота, — сказал он. — Пять монет сверху. За риск. Я не люблю магию.

Элайна моргнула. Зик на её плече возмутился.

— Это грабёж! — сказали они в один голос.

Кейн усмехнулся. Впервые по-настоящему. Уголки глаз морщились.

— Грабёж — это когда забирают без спроса. Я предлагаю услугу. С риском. Если твоя магия сорвётся — мне умирать. Если шаи придут на запах — мне умирать. Пять монет — это недорого за мою жизнь.

Элайна смотрела на него. На шрам. На руки в мозолях. На глаза, в которых не было страха. Только расчёт.

— Договорились, — сказала она, пока он не передумал.

Она достала мешочек. Отсчитала монеты. Золото звякнуло о его ладонь. Кейн накрыл их пальцами. Проверил вес. Убрал за пазуху.

— Да, — Кейн повернулся к коню. — И ещё. Если твоя магия сожжёт мой плащ... я вычту с тебя. По частям.

— Если Шая откусит мне конечность... я вычту с тебя. По частям, — парировала Элайна. Кейн остановился. Обернулся.

В его глазах горел огонёк. Заинтересованности. Не больше. Но и не меньше.

— Договорились.

Он подошёл к коню. Вложил ногу в стремя. Уселся.

Элайна последовала его примеру. Подошла к Ветке. Взялась за седло. Проверила подпруги. Вложила ногу в стремя, подтянулась. Тело отозвалось привычной болью в ожогах, но она не поморщилась. Уселась, поправила плащ.

Кейн обернулся. Взгляд скользнул по ней, оценивающий.

— Держись в седле. Это плюс.

— Я училась не только магии, — сказала Элайна.

— Хорошо. Потому что в Песках падать нельзя. Там земля кусается.

Он тронул повод. Чёрный конь шагнул, фыркнув.

Элайна последовала за ним. Ветка шла неохотно, чувствуя напряжение хозяйки, но повиновалась.

Они выехали за ворота. Посёлок остался позади, растворившись в мареве.

Впереди лежала Пустыня Песчаных Призраков.

Кейн ехал впереди, выбирая маршрут. Он не смотрел на карту, но уверенно вёл коня между барханами.

— До заката нужно пройти дюны, — сказал он, не оборачиваясь. — Ночевать в открытом поле не советую.

— Почему?

— Потому что ночью пустыня принадлежит не нам, — Кейн тронул повод. Конь шагнул быстрее. — А тем, кто не нуждается в свете.

Элайна поспешила за ним.

Осколок у ключицы пульсировал ровно. Впервые за долгое время рядом был кто-то, кто не боялся её магии. Кто принял риск. Кто согласился идти.

Она не знала, что ждёт впереди. Шаи. Аномалии. Испытания.

Но сейчас, когда ветер бил в лицо, а впереди ехал человек, согласившийся разделить с ней путь, Элайна почувствовала не страх.

Надежду.

— Эй, хозяйка, — прошептал Зик с плеча. — Ты улыбаешься. Это пугает меня больше, чем шаи.

— Молчи, ящерица, — тихо сказала Элайна, смотря на фигуру наёмника впереди. — И наслаждайся моментом.

— Каким моментом?
Элайна не стала отвечать...
Ветка шагнула вперёд. Пустыня приняла их.
Путь начался.

Глава 4. Между звёздами и песком

Лагерь разбили в глубокой ложбине между двумя высокими барханами. Кейн выбрал место не случайно — здесь ветер не выл, а лишь глухо шумел где-то на гребнях, и песок лежал плотно, как утрамбованная земля.

— Здесь ночуем, — сказал он, спрыгивая с седла. — До утра далеко. Шаи ночью активнее. Чуют тепло.

Элайна кивнула. Спрыгнула с Ветки. Ноги затекли, колени хрустнули. Она отвела лошадь в сторону, привязала к выступу скалы, подальше от костра.

Кейн уже разжигал огонь. Маленький, аккуратный, без дыма. Такой, чтобы согреть еду и не светить на всю пустыню, как маяк.

— Еда есть? — спросил он, не поднимая головы.

— Сухари, вяленое мясо, вода, — перечислила Элайна, садясь напротив. — Немного.

— Завтра купим в оазисе, — Кейн достал из сумки котелок. Налил немного воды. — Сегодня похлёбка из кореньев. Не вкусно, но питательно.

Он бросил в котелок какие-то сухие, узловатые корешки. Элайна не спросила, откуда они. На Фрактусе выживальщики знали, что можно есть, а что убьёт быстрее яда.

Зик устроился на её колене, грея брюхо о тёплую ткань плаща.

— Мне тоже положи, — сказал он Кейну. — Я не привередлив. Главное, чтобы не было ядовито.

Кейн бросил ещё один корешок в котелок.

— Тебе тоже хватит.

— Спасибо. Ты выглядишь как человек, который умеет готовить. Это редкость среди наёмников. Обычно они только режут плоть, а не корни...

— Ну мясо у меня в рационе тоже есть, но обычно это что-то из мелкого зверья, насекомые, ящерицы... ловлю, душу, готовлю, — спокойно сказал Кейн, пристально глядя на фамилъяра.

Зик скорчил смешную брезгливую рожицу.

Элайна усмехнулась. Впервые за день напряжение в плечах чуть спало.

Они поели молча. Похлёбка была действительно не шедевром... Но тёплой. И после суток на сухарях это казалось пиром.

— Спать будем по очереди, — сказал Кейн, когда котелок опустел. — Я первый. Ты вторая. В три часа ночи разбужу.

— Почему не вместе?

— Потому что если на нас нападут — кто-то должен быть на страже. И потому что я не доверяю твоей магии достаточно...

Честно. Жёстко. По-деловому.

— Хорошо, — кивнула Элайна. — Разбуди, когда понадобится.

Она укуталась в плащ. Легла на песок, подложив под голову сумку. Зик устроился рядом, свернувшись калачиком.

Кейн сидел у костра. Точил нож. Шшш-шшш. Шшш-шшш. Звук был гипнотическим, успокаивающим.

Элайна закрыла глаза.

Проснулась она от шёпота.

— Тихо. Не двигайся.

Голос Кейна был едва слышен. Но в нём была такая напряжённость, что тело отреагировало мгновенно — мышцы сковало, дыхание замерло.

Элайна открыла глаза.

Небо только начинало светлеть, намекая на рассвет. Костёр догорал, оставив лишь тлеющие угли.

Кейн сидел рядом с ней. Не двигался. Только губы шевелились, когда он шептал. Его рука лежала на рукояти меча.

— Что... — начала она.

— Тише, — оборвал он. Его глаза были прикованы к гребню бархана над ними. — Шая. Крупная. Просто ползёт мимо. Не двигайся. Даже не дыши глубоко.

Элайна замерла.

Она почувствовала вибрацию. Не лёгкую дрожь, а глухой, низкий гул, идущий из-под земли. Песок вокруг них начал медленно оседать, как вода в воронке.

И потом — тень.

Что-то огромное закрыло собой звёзды.

Шая выползла на гребень. Она была не просто змеей. Ширина туловища — как три человека, стоящих рядом, в объёме. Чешуйки огромные, золотисто-охристые, переливающиеся в предрассветном свете. О длинне змеи Элайне не хотелось даже думать...

Она не атаковала. Она просто ползла. Но её размер делал само существование угрозой. Пасть, способная проглотить человека целиком, была закрыта, но Элайна видела ряды зубов внутри, когда змея медленно выдохнула. Запах ударил в нос — старый песок, озон и гниль.

Хвост, толстый как бревно, свисал с бархана прямо в их ложбину.

Элайна лежала неподвижно. Она чувствовала жар, исходящий от тела змеи.

Хвост опустился на песок. В полуметре от её ног. Потом дрогнул. И скользнул дальше.

Кончик хвоста задел подошву её сапога. Тяжёлый, тревожный толчок.

Элайна задержала дыхание.

Зик на её плече тоже замер. Ящерица приподнялась на лапах, золотые глаза расширились до предела. Она чувствовала масштаб угрозы лучше людей.

Не двигайся, — говорил взгляд Кейна. Жди.

Шая ползла. Медленно. Каждое движение сдвигало тонны песка.

Потом вибрация начала удаляться.

Элайна выдохнула.

И в этот момент Зик не выдержал.

— ААА! — взвизгнул он. —ОНА КОСНУЛАСЬ МЕНЯ!

Он запрыгнул на её плечё, размахивая лапами, и случайно задел ухо Элайны когтем, несколько капель крови капнули на песок.

Шая отреагировала мгновенно.

Гул усилился. Песок вокруг них вздыбился. Огромная голова повернулась к ним. Пасть раскрылась — чёрный провал, полный зубов.

— Твою мать, — прошипел Кейн. Выхватил меч.

Шая зашипела. Звук был как скрежет металла по стеклу, усиленный в сотню раз. Песок вокруг них начал осыпаться, образуя воронку.

Элайна не думала. Просто отреагировала инстинктивно.

Руки взметнулись вверх. Ладони раскрылись. Магия внутри неё рванула наружу, чувствуя смертельную опасность.

Не огонь. Не молния.

Холод.

Серебристый свет ударил из её ладоней. Воздух вокруг задрожал. Влага из воздуха конденсировалась мгновенно, превращаясь в иней.

Лёд пополз по чешуе. Начал с шеи, где магия была сосредоточеннее. Чешуя побелела. Движения замедлились.

Но она была слишком большой.

Лёд покрыл шею, грудь, но до головы не дошёл. Огромная пасть дёрнулась. Мышцы напряглись. Змея приготовилась к броску. Лёд на шее треснул.

Кейн действовал одновременно с ней.

Он не бил наотмашь. Он ждал момента. Когда магия Элайны сделала чешую хрупкой. Он сделал шаг вперёд. Меч сверкнул в предрассветном свете. Удар двумя руками, снизу вверх, в стык между замороженным и живым.

Звук ломающегося льда и рассекаемой плоти.

Голова отлетела в сторону. Тяжёлая, как камень. Упала в песок с глухим ударом. Тело дёрнулось последний раз, судорожно сокращаясь, и замерло.

Кровь брызнула на песок. Чёрная, густая.

Тишина.

Элайна опустила руки. Дыхание было рваным. Пальцы дрожали.

Она посмотрела на свои ладони.
Кожа побелела. Покрылась инеем. Пальцы не слушались. Кровь выступила из-под бинтов, тут же замерзая.
Обморожение.
В пустыне. После ожогов, которые не успели зажить.
— Вот же задница драконья... — прошептала она.
Кейн убрал меч. Подошёл к ней.
— Жива?
— Жива, — прошептала Элайна. — Но руки...
Он взял её ладони. Осмотрел. Лицо осталось каменным, но движения стали осторожнее.
— Обморожение. В пустыне. — Он покачал головой. — Это надо постараться. Пыталась заморозить её целиком?
— Я хотела обездвижить, — сказала Элайна. Голос дрожал. — Не заморозить. Обездвижить.
— Магия не слушается.
— Нет. Слушается. Но не так, как я хочу. Слишком много силы ушло.
Кейн отпустил её руки.
— Сиди. Нужно отогреть. Медленно. Не греть у костра — будет хуже.
Он ушёл к котлу. Вернулся с флягой. Налил немного воды на тряпку.
— Давай руки.
Элайна протянула. Он начал осторожно протирать пальцы. Вода была прохладной, не горячей.
— Больно?
— Терпимо.
— Хорошо. Значит, нервы работают.
Они сидели молча. Кейн обрабатывал её руки. Элайна смотрела на мёртвую Шаю. Даже мёртвая, она казалась очень опасной.

Зик сидел рядом, виновато опустив голову.

— Я испугался, — тихо сказал он. — Она была такой... большой.

— Я знаю, — сказала Элайна. — В следующий раз терпи.

— А если не смогу?

— Тогда я заморожу тебя вместе с ней. И оставлю как памятник.

Зик моргнул.

Кейн закончил с руками. Достал бинты.

— Дай перемотаю.

— Я сама, — сказала Элайна. Взяла бинты.

Руки не слушались. Пальцы были неуклюжими, словно чужие. Бинты падали.

Кейн вздохнул. Забрал бинты.

— Дай сюда. Не усложняй.

Он перемотал её запястья. Аккуратно. Профессионально. Слои за слоями, фиксируя суставы.

Элайна смотрела на него.

— Спасибо.

— Не за что. Это часть контракта. Не дать тебе сдохнуть от глупости до конца пути.

Она усмехнулась.

— Я не планировала обморозиться.

— Тогда учись контролировать, или не колдуй совсем. Иначе следующий раз будет последним.

Он закончил с бинтами. Убрал остатки в сумку.

— Завтрак, — сказал он. Встал. — Потом идём. До оазиса ещё далеко. А эта туша начнёт вонять через час. Сбегутся падальщики...

Они поели молча. Элайна ела медленно, пальцы болели, но тепло еды немного вернуло чувствительность.

— Всегда ли так? — спросил Кейн вдруг.

Элайна подняла глаза.

— Что?

— Магия. Срабатывает не так, как ты хочешь.

Элайна помолчала. Подула на пальцы.

— Почти всегда. Иногда получается хуже. Иногда... как сейчас.

Кейн кивнул. Не сочувственно. Просто констатируя факт.

— Зачем тогда пользуешься? Если так травмоопасно. Если руки отказывают.

Вопрос был прямым. Без жалости. Без намёка на то, что она должна бросить. Просто логика выживальщика.

Элайна отложила еду. Посмотрела на свои забинтованные руки.

— Если магией не пользоваться, — сказала она медленно, — она всё равно найдёт выход.

Кейн поднял бровь.

— Как это?

— Она копится. Внутри. Как вода за плотиной. Если не выпускать понемногу — прорвёт. И тогда... — Элайна посмотрела на мёртвую Шаю. — ...выброс может уничтожить. Сжечь меня саму. И тех, кто рядом.

Кейн молчал. Смотрел на неё внимательно.

— Магия — это не инструмент, — продолжила Элайна. — Это часть меня. Как рука. Или сердце. Я не могу просто... выключить её. Я могу только направлять. Иногда удачно. Иногда нет.

— Но можешь научиться контролировать.

— Учусь, — сказала она. — Поэтому и ищу осколки. Они помогают направить поток. Кейн посмотрел на неё. Долго.

— Осколки, — повторил он. — Того самого кристала, который рассыпался и мир изменился?

— Да.

— И ты думаешь, что если соберёшь их — магия станет послушной?

— Не послушной, — поправила Элайна. — Стабильной. Предсказуемой.

— А если нет?

Элайна усмехнулась. Губы дрогнули.

— Тогда я сгорю. Как мать.

Кейн кивнул. Медленно.

— Честно, — сказал он. — Я думал, ты скажешь что-то про судьбу. Или про предназначение. Про спасение мира.

— Я не верю в судьбу, — сказала Элайна. — Я верю в выживание.

— Хорошо, — Кейн встал. Стряхнул песок с плаща. — Тогда выживай. А я прослежу, чтобы тебе не мешали...

Он пошёл собирать вещи.

Элайна смотрела ему вслед.

Зик на её плече тихо сказал:

— Он не сказал, что ты глупая. Или что это опасно. Или что тебе нужно бросить.

— Нет, — согласилась Элайна.

— Это хорошо?

— Не знаю...

Она встала. Руки ныли. Пальцы почти не сгибались. Бинты уже пропитывались сукровицей.

Но она шла.

Потому что остановиться значило сгореть.

А она ещё не закончила жить.

Глава 5. Вкус пыли и цена воды

Запах крови начал распространяться быстро. В пустыне воздух сухой, но смерть всегда имеет вес и аромат — тяжёлый, медный, приторный.

Кейн с заметным усилием перевернул тушу Шаи палкой, чтобы кровь стекла в сторону от лагеря.

— Через час мухи слетятся, — сказал он, вытирая лезвие о песок. — И падальщики. Нам нужно уйти до того, как сюда прилетят стервятники. Они шумные.

Элайна кивнула. Попыталась сжать пальцы в кулак. Боль пронзила запястья, острая, колющая, будто под кожу загнали осколки стекла. Она тихо выдохнула сквозь зубы и опустила руки на колени.

Перед ней стояла миска с горячей похлёбкой. Пар поднимался ровным столбом. Запах был аппетитным — коренья, мясо, специи. Но взгляд Элайны упал на свои забинтованные кисти. Бинты уже пропитались сукровицей.

Она взяла ложку правой рукой. Пальцы не слушались. Ложь звякнула о край миски и выпала, утонув в бульоне.

Элайна закрыла глаза. Слез не было. Только злость. На себя. На мир. На эту проклятую магию.

— Эй, хозяйка, — голос Зика прозвучал рядом.

Она открыла глаза. Ящерица стояла на колене, держа в пасти сухой сухарь. Он был почти равен размеру её головы. Зик напрягся, запрыгал на плечо Элайны, цепляясь когтями за плащ, чтобы не упасть.

— Поверни голову, — прошипел он с набитым ртом. — Держи сухарик. Вот... Он поднёс сухарь к её губам. Элайна моргнула.

— Зик...

— Ешь, — отрезал ящерица. Крошки посыпались на её подбородок. — Без меня ещё и с голоду помрёшь. А мне не хочется таскать твой труп.

Элайна слабо усмехнулась. Сухарь был чёрствым, царапал горло, но вкус хлеба во рту вернул немного реальности.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари. Просто ешь. Потом будем пить эликсир.

Элайна посмотрела на Кейна. Он сидел напротив, спокойно доедая свою порцию. Видел всё. Но не лез с помощью. Не жалел. Ждал.

— Зик, — сказала Элайна, прожевав. — У Ветки в черезседельной сумке есть обезболивающий эликсир. Маленький пузырёк, в красной тряпке. Тащи.

— Бегу, — Зик спрыгнул с плеча. Мелькнул зелёной молнией к лошади.

Через минуту он вернулся, волоча за хвост маленький стеклянный флакон. Эликсир внутри был густым, тёмно-янтарным.

Элайна протянула руку. Пальцы дрожали. Она взяла пузырёк кончиками, стараясь не сгибать суставы. Откупорила зубами. Понюхала. Пахло полыньёю и спиртом.

— Не всю дозу, — предупредил Кейн. Впервые подал голос за последние десять минут. Элайна подняла глаза.

— Знаю.

— Если выпьешь всё сейчас — через четыре часа боль вернётся двойной.

— Я оставлю на раз, — сказала она.

Отхлебнула маленький глоток. Жидкость обожгла горло, но тепло сразу потекло по венам, достигая запястий. Боль не ушла. Но она стала дальше. Будто между ней и нервами положили слой ваты.

Элайна выдохнула. Пальцы смогли согнуться чуть сильнее.

— Лучше? — спросил Кейн.

— Могу держать поводья, — ответила она. Закрыла флакон. Спрятала за пазуху, рядом с осколком.

Кейн кивнул. Встал. Начал собирать вещи. Движения были отработанными: свернуть котелок, засыпать костёр песком, проверить подпруги. Никакой суеты.

— Через десять минут выходим, — сказал он. — Ветер меняется. Чую пыль.

Ветка нервничала. Лошадь фыркала, переступала копытами, косилась на неподвижную тушу Шаи.

Элайна подошла к седлу. Вложила ногу в стремя. Подтянулась.

Боль в запястьях вспыхнула снова, когда она ухватила за луку седла. Она поморщилась, но не вскрикнула. Перекинула ногу через спину Ветки. Уселась.

Поводья лежали на шее лошади. Поднять руки было трудно.

Кейн стоял рядом. Он не смотрел на неё. Смотрел на седло.

— Подпруга ослабла, — сказал он.

Потянулся. Его пальцы ловко проверили ремни. Затянули на один зубец. Его рука на мгновение накрыла её руку, лежащую на луке. Кожа была горячей. Грубой.

— Держи крепче, — сказал он. — Не виси на руках. Упирайся ногами. Если больно — скажи. Не геройствуй. В пустыне геройство лишнее.

— Я не геройствую, — ответила Элайна. — Я выживаю.

— Тогда выживай правильно.

Он отошёл к своему коню. Вложил ногу в стремя. Уселся легко, будто весил не больше Зика.

— За мной, — сказал он.

Они тронулись.

Пустыня встретила их ветром. Песок бил по лицу, забивался в складки одежды. Элайна щурилась. Руки ныли, но эликсир держал удар. Она могла управлять Веткой. Это было главное.

Кейн вёл уверенно. Он не смотрел на компас. Смотрел на дюны. На тени. На то, как лежит песок.

— Почему ты не спросил про осколки вчера? — крикнула Элайна сквозь ветер.

Кейн не обернулся.

— Спросил сегодня.

— И?

— И мне всё равно, — ответил он. — Мне платят за путь. Не за спасение мира.

— А если мир рухнет — золото не поможет.

— Если мир рухнет — мне некуда будет тратить золото. Так что разница небольшая.

Элайна усмехнулась.

Она почувствовала тепло у ключицы. Осколок матери. Он начал пульсировать. Чаше. Ярче.

Элайна натянула повод. Ветка остановилась.

— Что? — Кейн обернулся.

— Он рядом, — сказала Элайна. Положила руку на грудь. — Осколок. Второй... он близко.

Кейн прищурился. Посмотрел на горизонт.

— Там ничего нет. Только песок.

— Нет, — Элайна спрыгнула с седла. Ноги подкосились, но она устояла.

Кейн последовал её взгляду. Вдали, где небо сходилось с землёй, виднелась полоска зелени. Слабая, размытая маревом.

— Оазис, — сказал он. — Но на картах его нет.

Кейн посмотрел на неё. Долго.

— Ты уверена?

— Кристалл тянет, — Элайна прижала ладонь к камню. — Как магнит.

— Хорошо, — Кейн тронул повод. — Проверим. Но осторожно. В оазисах вода бывает обманчивой.

Оазис не шумел. Это было первое, что насторожило Кейна.

Вода должна плескаться, птицы должны кричать в пальмах, ветер должен шевелить листву. Но здесь, в ложбине между барханами, царил мертвая тишина. Вода лежала неподвижным зеркалом, отражая небо так четко, что казалось — внизу еще один мир, перевернутый вверх дном.

Кейн спешился первым. Сбросил седло, поворошил коня в тень пальмы.

— Что-то тихо, — сказал он, глядя на воду.

Элайна уже слезла с Ветки. Осколок у ключицы пульсировал так сильно, что отдавалось стуком в висках. Луч, тонкая серебряная нить, пробивался сквозь ткань рубахи, указывая прямо в центр водной глади.

— Он там, — сказала она. Голос прозвучал глухо, будто воздух вокруг был плотнее обычного.

Кейн сел на плоский камень у кромки воды. Достал нож, начал механически проверять заточку, но глаза не отрывались от неё.

— Я подожду, — сказал он. — Ты иди. Но если вода вдруг покажется странной — вылезай сразу.

— Я буду осторожна.

— В аномалиях осторожность не помогает. Помогает только скорость.

Элайна кивнула. Сняла плащ, сложила его на песок. Сапоги последовали за ним. Бинты на руках потемнели от влаги, когда она зашла в воду.

Холод обжег ноги. Потом поднялся выше, до пояса. Вода была не просто холодной. Она была тяжелой. Вязкой, как масло. Каждый шаг требовал усилия, будто она шла не через воду, а через расплавленный свинец.

Зик остался на берегу, сидя на плаще.

— Мне не нравится это место, — прошипел он. — Воздух здесь липкий. Как перед грозой.

Элайна не ответила. Она нырнула.

Под водой было светло. Лучи солнца пробивались сквозь толщу, преломляясь в странные геометрические фигуры. Песок на дне блестел, словно был усыпан алмазной пылью.

И там, в углублении между корнями затонувшего дерева, лежал он.

Второй осколок.

Он не светился. Он поглощал свет вокруг себя, создавая вакуум темноты, который манил сильнее любого огня.

Элайна потянулась. Пальцы коснулись грани.

Вспышка.

Не боль. Не удар. Ощущение, будто кто-то щелкнул пальцами внутри её головы.

Она взяла камень. Сжала в ладони.

И мир замедлился.

Пузырёк воздуха, сорвавшийся с её губ, завис рядом с лицом. Он не всплывал. Он висел в воде, идеальный серебристый шар, внутри которого играли радужные блики.

Песок, поднятый её движением, застыл в воздухе мелкой взвесью.

Элайна моргнула.

Легкие сжались. Воздух кончился.

Паника ударила холодной иглой в позвоночник. Она забила ногами, пытаясь всплыть. Но тело двигалось так, будто было сделано из камня. Рука поднялась на сантиметр. Пузырь воздуха сместился на миллиметр.

Время здесь текло иначе. Секунда растягивалась в минуту. Минута — в вечность.

Она видела поверхность воды над собой. Она была близко. Метр. Может, меньше. Но добраться до неё казалось невозможным.

Легкие горели. Грудь свело судорогой. Темные пятна поплыли перед глазами.

Я утону, — пронеслось в голове. В метре от воздуха. Я утону в мелкой воде.

Она вытянула руку вверх. Пальцы едва шевелились.

Тень накрыла её сверху.

Не рыба. Не тень облака.

Рука.

Человеческая рука пробилась сквозь вязкую толщу воды. Она двигалась быстрее. Гораздо быстрее. Будто тяжесть времени не касалась её владельца.

Пальцы вцепились в ворот её рубахи.

Рывок.

Мир дернулся. Вязкость исчезла. Вода хлынула в нос, в рот, в легкие.

Её вышвырнуло на поверхность, как щепку.

— Глупо, — голос Кейна прозвучал как удар грома.

Он стоял на коленях на мелководье, держа её за ворот. Вода ему была всего по колено.

Элайна закашлялась. Выплюнула воду. Заглотала воздух жадно, хрипло, давась собственным дыханием.

— Ты... — прохрипела она. — Ты...

— Я сказал — скорость, — Кейн отпустил её ворот. Отсел назад, тяжело дыша. Его одежда была мокрой насквозь. Волосы прилипли ко лбу. — Аномалия времени. Локальная. Вода искажает поток времени.

Элайна посмотрела на то место, откуда Кейн её вытащил, она только что тонула на глубине по колено.

— Я... не могла... двигаться...

— Потому что ты держала камень, — Кейн кивнул на её сжатый кулак. — Он якорь. Ты взяла его — он повлиял на аномалию.

Элайна разжала пальцы.

Осколок лежал на ладони. Тусклый. Мертвый.

— Я чуть не умерла, — сказала она. Голос дрожал.

— Но не умерла, — Кейн поднялся. Выжал полу куртки. — Вставай. На берегу безопаснее.

Они вышли из воды. Зик встретил их шипением, бегая кругами.

Элайна упала на песок. Перевернулась на спину. Небо кружилось над головой. Солнце было слишком ярким.

Кейн сел рядом. Вытянул ноги. Смотрел на горизонт, но плечи его медленно опускались. Адреналин отступал.

— Ты как? — спросил он наконец. Не глядя на неё.

Элайна закашлялась ещё раз. Сплюнула воду.

— Живая, — прошептала она. — Воды нахлебалась на всю жизнь вперёд.

Она подняла руку. В одной ладони лежал её осколок, унаследованный от матери. В другой — тот, что она достала со дна.

Они притягивались.

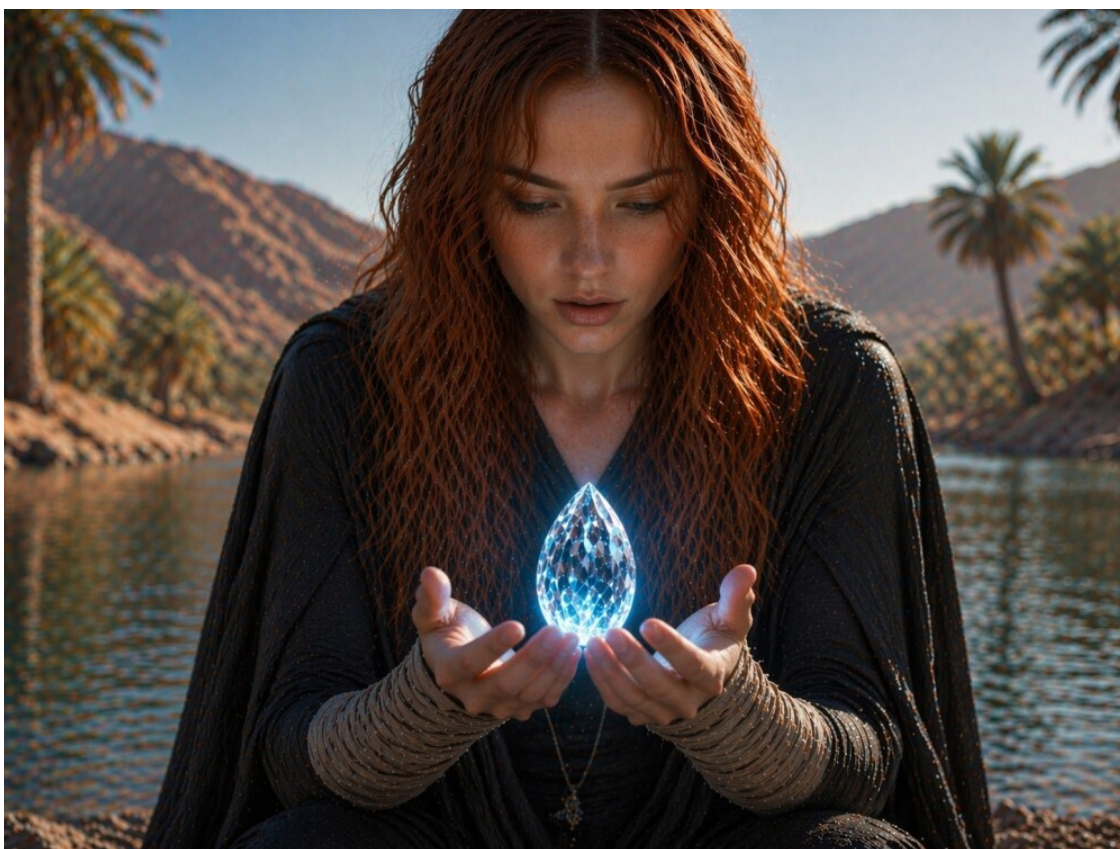
Не физически. Магнитно.

Элайна поднесла их друг к другу.

Грань соприкоснулась с гранью.

Вспышка. Не яркая. Мягкая, теплая, разлившаяся по венам.

Осколки не просто соединились. Они перетекли друг в друга. Шов исчез. Грани сгладились. Теперь это был один камень. Больше. Тяжелее. Светящийся изнутри ровным, пульсирующим светом.

Боль в руках отступила. Впервые за годы Элайна почувствовала... тишину. Магия внутри не билась о ребра. Она текла. Как река в русле.

Она села. Подняла камень к свету.

— Они единое целое, — сказала она.

Кейн повернул голову. Посмотрел на камень. Потом на её руки.

— И что это даёт? — спросил он.

— Стабильность, — Элайна сжала камень. — по идее я теперь я могу колдовать стабильнее. Но всё равно, как лотерея, только положительный исход более возможен, чем раньше.

Кейн кивнул. Медленно.

Он поднялся. Протянул ей руку.

— Тогда вставай. Нам нужно уйти отсюда до заката.

Элайна взяла его руку. Встала.

Ноги дрожали. Но держали.

Она убрала камень за пазуху. К коже. К сердцу.

— Кейн.

— Что?

— Спасибо. Что вытащил.

Он остановился. Посмотрел на неё. В его глазах не было тепла. Но было что-то другое.

Признание.

— Не за что, — сказал он. — Контракт ещё действует. Мёртвые ведьмы не платят.

— Я запомню.

— Лучше запомни, как двигаться быстрее. В следующий раз я могу не успеть.

Они пошли к лошадям.

Зик бежал рядом, довольный.

— Вы выглядели как утопленники, — заметил он. — Но теперь вы светитесь. Буквально.

Если ночью пойдём — фонари не нужны.

— Молчи, Зик, — сказала Элайна.

— Молчу. Но это не отменяет факта.

Элайна села в седло. В этот раз руки не дрогнули. Она взяла поводья уверенно.

Осколок у сердца бился в ритме с её пульсом.

Они выехали из оазиса.

Вода за их спиной снова стала зеркальной. Неподвижной.

Ждушей следующую жертву.

Глава 6. Жажда и золото

Пустыня не прощала ошибок, и сегодня она решила не быть милосердной.

Солнце стояло в зените, превращая воздух в дрожащее марево. Горизонт плыл, искажая очертания дюн, делая их похожими на спины спящих чудовищ. Жара была не просто горячей — она была физической силой, давящей на плечи, заставляющей потеть даже сквозь кожу и ткань.

Элайна ехала, сгорбившись в седле. Ветка ступала тяжело, опустив голову, каждый шаг давался лошади с усилием. Но самой Элайне было легче, чем вчера. Намного легче.

Осколки, слившиеся в единый камень у ключицы, пульсировали ровно. Это не было похоже на прежний лихорадочный стук, от которого сводило зубы. Теперь это напоминало второе сердце. Спокойное, уверенное. Тепло разливалось по венам, заглушая привычную ныющую боль в запястьях. Она посмотрела на свои руки, лежащие на поводьях. Бинты всё ещё были нужны — кожа под ними оставалась красной и чувствительной, — но дрожь ушла.

— Ты светишься, — прошипел Зик с её плеча. Ящерица высунула синий язык, ловя редкие потоки ветра. — Буквально. Если мы встретим мотыльков ночью, они полетят на тебя, а не на костёр.

— Ну хватит, Зик, — беззлобно ответила Элайна. Голос звучал хрипло. Горло пересохло.

— Я просто констатирую факт. Это полезно. Мы сэкономим на масле для ламп.

Впереди, за грядой высоких барханов, показалось поселение. Оно не возникло внезапно — оно вытекало из песка, будто было его частью. Низкие глиняные дома с плоскими крышами, узкие улочки, заглубленные в землю, чтобы спастись от ветра. Над всем этим висела тишина. Не спокойная, а мёртвая. Не лаяли собаки, не кричали дети, лишь ставни протяжно скрепели...

Кейн подъехал ближе. Его чёрный конь фыркнул, мотнув головой. Наёмник сидел в седле прямо, словно жара не касалась его. Плащ, несмотря на солнце, был застёгнут, капюшон откинут, открывая шрам над бровью. Он смотрел на поселение не с надеждой, а с оценкой.

— Видишь трещины? — спросил он, кивая на ближайшую стену.

Элайна прищурилась. Глина была испещрена сетью глубоких разломов. Земля просела, фундаменты домов накренились.

— Земля высохла, — сказала она. — Корни деревьев не держат.

— Жара стоит больше недели, — Кейн повернул к ней лицо. В его тёмных глазах отражалось солнце, делая их почти янтарными. — Колодцы наверно пусты. Если мы войдём туда как просители — нас прогонят. Если как угроза — убьют.

— А если как спасители?

Кейн усмехнулся. Уголок его губ дрогнул.

— Спасители требуют платы. Что-то мне подсказывает, им нечего дать...

— У них есть золото, — возразила Элайна. — Просто они его прячут. На чёрный день.

— Это и есть чёрный день.

— Тогда тем более заплатят.

Она тронула повод. Ветка ускорила шаг. Кейн не стал спорить. Он просто развернул коня и поехал рядом, чуть сзади и слева. Так, чтобы его тело прикрывало её от любого выстрела из окон. Элайна заметила это. Не показала вида, но внутри что-то тёплое шевельнулось рядом с осколком.

Въезд в поселение охраняли двое мужчин. Они сидели в тени полуразвалившейся арки, опустив копыта на землю. Одеты были в лохмотья, лица скрыты платками. Только глаза смотрели на них — уставшие, подозрительные.

— Стойте, — сказал один. Голос был сухим, как шелест песка. — Вода платная. Дороги закрыты.

— Нам не нужна вода, — сказала Элайна. Она не стала натягивать капюшон. Пусть видят. Рыжие волосы, бинты на руках. — Нам нужен староста.

Второй охранник переглянулся с первым.

— Ведьма, — прошептал он. Не со страхом. С надеждой, которую тут же попытался скрыть.

— Староста спит, — сказал первый. — У него сил нет на гостей.

— Разбудите, — Элайна достала из сумки флягу. Не свою. Ту, что они купили в прошлом оазисе. Полную, демонстративно из неё отхлебнула. — Скажите, у ведьмы есть своя вода. И дождь для вас.

Слово «дождь» сработало лучше любого ключа.

Охранники вскочили. Копье забыли в песке. Они побежал внутрь поселения, даже не спросив цены.

Кейн подъехал к Элайне ближе. Их колени соприкоснулись в сёдлах.

— Ты рискуешь, — тихо сказал он. Так, чтобы не слышали стены. — Если не получится...

— Получится, — перебила она. Посмотрела на него. Вблизи его лицо казалось ещё более угловатым, покрытым слоем пыли и щетины. Но глаза были внимательными. — Я чувствую. Камни... они поют.

Кейн молчал секунду. Потом кивнул.

— Тогда я прикрою тыл.

Он не спросил «ты уверена?». Он не сказал «будь осторожна». Он просто принял её решение как факт. Как приказ, который нужно выполнить. Это доверие было тяжелее золота.

Староста вышел не сразу. Когда он появился на площади, вокруг уже собралась толпа. Люди выходили из домов молча, словно боясь спугнуть тишину. Женщины прижимали к себе детей, мужчины держали в руках кто вилы, кто просто палки.

Староста был худым, как высохшая ветка. Кожа обвисла на костях, глаза запали глубоко. Он опирался на посох, но было видно, что посох держит его, а не он посох.

— Чего надо? — спросил он. Голос скрипел.

— Я могу вызвать дождь, — сказала Элайна. Она не слезла с коня. Высота давала преимущество. — На ваши поля. На колодцы.

Толпа зашумела. Кто-то перекрестился, кто-то схватился за амулет.

— Магия, — староста сплюнул на пыль. — Магия сжигает. В прошлом году пришёл такой же. Обещал воду. Вызвал пожар. Сгорело три дома.

— Я не они, — Элайна подняла забинтованную руку. — У меня есть стабилизирующий осколок.

Она коснулась пальцами груди. Там, под тканью, осколок вспыхнул мягким светом. Не ослепительным, не агрессивным. Ровным, как пульсация звезды.

Староста прищурился.

— Сколько?

— Пятнадцать золотых, — сказала Элайна.

Толпа ахнула. Это было состояние. За эти деньги можно было купить дом.

— Грабёж, — сказал староста.

— Жизнь дороже, — парировала она. — Через неделю здесь не останется ничего. Ни людей, ни скота. Ни домов. Пятнадцать золотых — это цена выживания.

Староста молчал. Смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на Кейна. Наёмник сидел неподвижно, рука лежала на рукояти меча, взгляд скользил по крышам, выискивая угрозы. Он выглядел как та самая угроза, которую лучше не злить.

— Если облака рассеются... — начал староста.

— Деньги останутся у вас, — закончила Элайна. — Если пойдёт вода — золото моё. И ночлег. И провиант в дорогу.

Староста кивнул медленно. Махнул рукой одному из мужчин. Тот принёс кожаный мешочек. Бросил его Элайне. Она поймала на лету. Тяжёлый. Золото звякнуло, удовлетворённо и весомо.

— Поле за северной окраиной, — сказал староста. — Там земля ещё жива. Если польёшь её — выживем.

Она развернула Ветку. Кейн последовал за ней. Толпа расступалась, давая дорогу. Взгляды были разными. Кто-то смотрел с мольбой, кто-то с завистью, кто-то со страхом.

Но Элайна чувствовала только одно. Тепло на груди. И присутствие за спиной.

Поле находилось за околицей. Это был клочок земли, огороженный камнями, чтобы ветер не выдувал почву. Ростки пшеницы были жёлтыми, ломкими. Они хрустели под порывами ветра.

Элайна спешила. Ноги затекли, но она держалась ровно. Кейн тоже слез. Помог ей снять сумку. Его пальцы на мгновение коснулись её талии — через ткань плаща, быстро, профессионально. Но тепло осталось.

— Тебе нужно пространство, — сказал он. Огляделся. — Я отойду к краю. Чтобы не мешать потоку.

— Будь рядом, — попросила она. Тише, чем планировала.

Кейн остановился. Посмотрел на неё. В его взгляде не было вопроса.

Элайна отвернулась, чтобы скрыть румянец, который вдруг поднялся к щекам. Она вышла в центр поля. Закрыла глаза.

Внутри неё магия текла легко. Раньше это было похоже на попытку удержать в руках дикую кошку — царапается, вырывается, норовит укусить. Теперь это было похоже на течение реки. Нужно было лишь направить русло.

Только поле, — подумала она. Не трать силы на пустыню. Напитай корни.

Она подняла руки. Развела ладони в стороны. Ветер вдруг стих. Птицы замолчали. Даже Зик перестал ёрзать на плече и затаил дыхание.

— *Ventus aquam affer.* — прошептала Элайна.

Осколок отозвался вибрацией. Холодной, чистой.

Высоко в небе, где секунду назад была белая пустота, начало темнеть. Тучи наплзали быстро, будто их кто-то вливал в форму. Серые, свинцовые, тяжёлые.

— Получается, — прошипел Зик. — Я чувствую запах озона.

Элайна не отвечала. Она чувствовала, как магия набирает силу. Она могла остановиться. Должна была остановиться. Договор был на поле.

Но она посмотрела на поселение за спиной. На детей, которые вышли посмотреть. На старосту, который стоял, сжимая посох побелевшими костяшками. На Кейна, который стоял у края поля, положив руку на меч, но смотрел не на горизонт, а на неё.

Пусть будет больше, — решила она. Пусть хватит всем.

Она не сжала кулаки, чтобы ограничить поток. Она раскрыла ладони шире.

Первая капля упала ей на ресницы. Холодная. Тяжёлая.

Вторая.

И потом небо рухнуло.

Дождь не просто пошёл. Он обрушился стеной.

Зик взвизгнул и нырнул под плащ Элайны.

— Тревога! — кричал он из-за ткани. — Потоп! Мы тонем на суше!

Элайна рассмеялась. Она стояла под ливнем, запрокинув голову. Вода стекала по лицу, по шее, промачивала рубашу, но ей было тепло. Осколок на груди сиял сквозь ткань, реагируя на стихию.

Она посмотрела на Кейна.

Он не прятался. Стоял под потоком, вода текла по его лицу, по шраму, по плащу. Он не улыбался широко, но в глазах его исчезла та ледяная плёнка, что была всегда. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Не ведьму. Не клиентку. Элайну.

Он сделал шаг к ней. Потом ещё один. Встал рядом. Не касаясь, но так близко, что она чувствовала тепло его тела сквозь мокрую одежду.

— Ты это сделала, — сказал он. Голос звучал громче шума дождя.

— Если бы ты не вытащил меня из того оазиса, я бы точно не смогла... — ответила она, улыбаясь.

Вокруг них начинался хаос. Люди выбегали из домов, подставляли вёдра, смеялись, плакали. Но в центре поля, где стояли они двое, было тихо. Будто дождь обтекал их, создавая невидимый купол.

— Руки? — спросил Кейн.

Элайна посмотрела на ладони. Вода стекала по бинтам, не вызывая боли.

— Не болят, — сказала она. — Совсем.

Кейн протянул руку. Не чтобы взять её. Просто чтобы проверить. Коснулся тыльной стороной пальцев её запястья. Кожа к коже, через мокрую ткань бинтов.

— Хорошо, они не горят, прохладные... — сказал он.

Зик высунул голову из-за ворот.

— Извините, что прерываю идиллию, — сказал он. — Но я начинаю ржаветь. Можно нам найти крышу? Или вы планируете тут прорасти?

Тучи висели низко, насыщенные, готовые лить ещё долго.

— Пошли, — сказала она.

Кейн взял её под локоть. Нежно, но уверенно. Повёл к лошадям. Элайна удивилась, но руку не убрала...

Дождь барабанил по глиняным крышам, стекал ручьями по улицам, превращая пыль в грязь и наполняя колодцы. Но внутри старого сарая было сухо.

Здесь пахло иначе. Не озоном и мокрой шерстью, как снаружи, а тёплым дыханием животных, сухим сеном и древесной смолой. Под крышей было темно, но из щелей в стенах пробивались тонкие лучи закатного солнца, смешиваясь с пылью, создавая воздушные столбы света.

— Сюда, — сказал староста. Он стоял в дверях, стряхивая воду с плаща. — Место надёжное. Лошади в стойле рядом. Вода для них уже принесена.

Элайна переступила порог. Ноги сразу ощутили мягкость сена. Она сняла мокрый плащ, выжала его. Вода хлынула на пол, впитываясь в землю мгновенно.

— Спасибо, — сказала она. Голос звучал уставше, чем она хотела. Адреналин, державший её всё время вызова дождя, отступал, оставляя после себя тяжелую, ватную усталость.

— Спасибо вам, — поправил староста. — Люди уже забыли, как выглядят полные колодцы...

Он кивнул Кейну, который вводил лошадей в стойла.

— Корм будет. Овёс, сухая трава. Всё лучшее.

— Проверю, — кратко ответил Кейн. Он не доверял чужой заботе. Никогда.

Староста усмехнулся, ничего не сказал на это. Развернулся к выходу.

— Еда будет через час. Принесут сами. Не выходите, если не нужно. Дети могут замучить вопросами.

Дверь закрылась. Стало тише. Слышно было только фыркание лошадей и шум дождя за стеной.

Элайна опустилась на тюк с сеном. Выдохнула. Только сейчас она поняла, насколько сильно дрожали колени.

— Эй, хозяйка, — Зик выбрался из-за ворота, отряхивая чешую. Капли воды слетали с него, как бисер. — Ты выглядишь как выжатая тряпка. Если ты сейчас уснёшь, я съем твой ужин. Чтобы ты знала.

— Не усну, — пробормотала Элайна. Провела рукой по волосам. Они были тяжёлыми от влаги. — Нужно переодеться.

Кейн закончил с лошадьми. Подошёл к ней. В полумраке сарая его глаза казались ещё темнее.

— Дай руки, — сказал он. Не вопрос. Требование.

Элайна протянула руки. Бинты размокли, местами прилипли к коже.

Кейн присел на корточки перед ней. Достал из сумки небольшой нож. Аккуратно, чтобы не задеть кожу, разрезал влажную ткань.

Бинты упали на сено.

Элайна посмотрела на свои запястья. Ожоги, которые ещё вчера были ярко-красными, сейчас побледнели. Корочки отвалились, оставляя под собой розовую, новую кожу. Обморожение от схватки с Шаем тоже исчезло. Не осталось даже шрамов.

— Магия заживила?, — сказал Кейн. Провёл пальцем вдоль её запястья. Его кожа была шершавой, горячей.

— Осколки, — Элайна сжала ладонь в кулак. Разжала. Пальцы слушались идеально. — Они не просто стабилизируют поток. Они лечат носителя.

— Удобно, — Кейн достал из сумки чистые бинты. Начал заново заматывать её руки. Движения были привычными, быстрыми. — Но цена всё равно есть. Усталость.

— Есть, — призналась Элайна. Она смотрела на его макушку. На тёмные волосы, где ещё блестели капли дождя. На шрам над бровью. — Но оно того стоило.

Кейн поднял глаза. Они были на одном уровне. Он всё ещё сидел на корточках, она на тюке.

— Ты рисковала, — сказал он тихо. — Расширить поток на всё поселение... Если бы контроль дал сбой...

— Но не дал, — перебила она. — Потому что ты был рядом.

Кейн замер. Рука с бинтом остановилась на её запястье.

— Я ничего не делал.

— Ты стоял на краю поля, — Элайна положила свою свободную руку на его плечо. Ткань куртки была холодной и мокрой, но под ней чувствовалось тепло тела. — Когда я чувствовала, что теряю границу... я вспоминала тебя. Как-то не очень хотелось опозориться перед тобой...

Кейн молчал. Смотрел на её руку на своём плече. Потом на её глаза.

В воздухе повисло напряжение. Не опасное. Тягучее. Как перед грозой, но без страха.

Зик, сидевший рядом, громко вздохнул.

— Я просто напомню, что я здесь.

Кейн моргнул. Отстранился. Закончил с бинтом.

— Готово, — сказал он. Голос снова стал ровным, без той мягкой хрипотцы, что была секунду назад. — Не мочи до утра.

— Постараюсь, — Элайна опустила руку. Пальцы слегка дрожали, но не от боли. От того, что контакт прервался.

Еду принесли через час. Две миски горячей похлёбки, лепёшки, кувшин с чем-то кислым, похожим на вино, и отдельная миска для Зика с сушёными насекомыми (староста оказался предусмотрительным).

Они ели молча. Сидели на сене, спиной к стене, рядом друг с другом. Плечо к плечу.

Элайна чувствовала тепло, исходящее от Кейна. Оно было сильнее, чем от миски. Она ловила себя на мысли, что хочет придвинуться ещё ближе. Но не делала этого.

— Завтра выходим на рассвете, — сказал Кейн, вытирая миску лепёшкой.

— Я знаю, осколок указывает к оазису Рокса, — Элайна допила кислое вино. Оно согрело изнутри. — Чем раньше доберёмся до Коллекционера, тем лучше.

— Ты знаешь, кто он?

— Слухи, — Элайна положила миску на пол. — Говорят, он собирает артефакты эпохи до Раскола. Кристаллы, книги, оружие. Всё, что имеет силу.

— И осколки, — добавил Кейн.

— И осколки, — согласилась Элайна. — Или, может даже два...

— Или он уже нашёл их все, — Кейн повернул голову к ней. — И просто ждёт, пока кто-то принесёт ему остальные.

Элайна почувствовала холодок вдоль позвоночника.

— Ты думаешь, это ловушка?

— Я думаю, никто не хранит такие вещи просто так. Если у него есть осколок... он знает, что он делает.

— Тогда нам нужно быть осторожнее, — Элайна обхватила колени руками. — Я не могу просто войти и попросить.

— Нет, — Кейн посмотрел на её руки. — Ты не можешь. А я могу.

— Что?

— Я наёмник. Я могу предложить услуги охраны. Или продать что-то. Войти внутрь проще, чем украсть.

— Ты хочешь выкрасть?

— Я хочу, чтобы мы выжили, — Кейн протянул руку, поправил прядь её волос, выбившуюся из косы. Движение было настолько естественным, что он сам, казалось, удивился. Убрал руку быстро. — Если придётся красть... я отвлеку. Ты возьмёшь камень.

— А если придётся драться?

Кейн усмехнулся. В темноте блеснули зубы.

— Для этого я и нужен.

Элайна смотрела на него. В полумраке сарая его лицо казалось менее суровым. Тени сгладили углы.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она вдруг. — Контракт есть контракт. Но ты... ты рискуешь больше, чем должен.

Кейн молчал долго. Снаружи громыхнул гром. Дождь усилился.

— Я видел, что делает нестабильная магия, — сказал он наконец. — Я видел города, которые сгорели за ночь. Видел людей, которые превращались в пепел на ходу.

Он повернулся к ней полностью.

— Ты не такая, — сказал он. — Твоя магия... она не жжёт. Она лечит. Дождь вместо пожара. Жизнь вместо смерти.

Он замолчал на мгновение.

— Я хочу увидеть, что будет, когда ты соберёшь их все.

— А если я сожгу мир?

— Тогда я буду там, чтобы остановить тебя, — сказал Кейн. Просто. Без угрозы. Как констатацию факта.

Элайна почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Обещаешь?

— Контракт, — напомнил он. Но в уголках глаз появились морщинки.

— Тогда я постараюсь не сжигать, ведь тогда тебе придётся убить меня, — Элайна улыбнулась. Устало, но тепло.

Зик, дожевавший последнее насекомое, фыркнул.

— Вы оба невыносимы, — сказал он. — «Я остановлю тебя», «Я постараюсь». Может, просто скажете, что не хотите друг друга потерять, и пойдём спать? У меня лапы устают от этого напряжения.

Элайна рассмеялась. Звук отразился от стен сарая.

— Ложись спать, ящерица, — сказала она.

— Я уже. И вам советую.

Кейн встал. Потянулся. Хрустнули суставы.

— Я первый, — сказал он. — Спи.

— Кейн...

— Что?

— Спасибо. За... всё.

Он посмотрел на неё. Кивнул.

— Спи, Элайна.

Она легла на сено. Подложила под голову свёрнутый плащ. Закрыла глаза.

Снаружи шумел дождь. Внутри было тихо и тепло.

Она чувствовала присутствие Кейна у входа. Силуэт в темноте. Охраняющий сон.

И впервые за много лет ей не снился огонь.

Проснулась она от того, что стало тише.

Ночь. Дождь почти стих, но капли ещё падали с крыши. Кап. Кап. Кап.

Элайна села. Осколок на груди тёпло пульсировал.

Кейн сидел у входа. Спина к ней. Меч на коленях. Он не спал.

— Кейн? — прошептала она.

— Спи, — ответил он не оборачиваясь. — До рассвета ещё три часа.

— Ты не спал всю ночь?

— Я спал днём. В седле.

Элайна встала. Подошла к нему. Села рядом. Плечо к плечу.

— Разбуди меня, — сказала она. — Я посижу.

Кейн повернул голову. Посмотрел на неё. В темноте его глаза блестели. Потом медленно, будто преодолевая сопротивление, кивнул.

— Хорошо. Посидим вместе.

Они сидели молча. Слушали ночь.

Элайна чувствовала его плечо. Твёрдое. Надёжное.

Она хотела положить голову ему на плечо. Но не решилась.

Вместо этого она просто придвинулась ближе.

Кейн не отодвинулся.

Дождь кончился. Где-то вдалеке завыл шакал.

Мир был опасным. Пустыня была смертельной.

Но здесь, в темноте сарая, вдвоём, они были в безопасности.

Элайна закрыла глаза. Не чтобы спать. Чтобы запомнить это ощущение.

Тепло. Тишина. Он рядом.

Глава 7. Дорога к Белому Дворцу

Утро пахло мокрой глиной и жизнью.

Элайна вышла из сарая, и первое, что она увидела — не солнце, а зелень. Вчера здесь была только серая пыль, а сегодня из трещин в земле пробивались робкие ростки. Воздух был тяжёлым, насыщенным влагой, дышалось легко, словно легкие наконец очистились от пустынного песка.

Кейн уже был у лошадей. Он проверял подпруги на Ветке, его движения были спокойными, размеренными. Заметив её, он кивнул в сторону ворот.

— Они ждут.

У выхода из поселения стояла группа людей. Во главе — староста. В руках он держал два больших бурдюка из темной кожи и корзину, накрытую полотенцем.

Элайна подошла к Ветке, запрыгнула в седло. Кейн шагнул к ней, поправил стремя, чтобы ей было удобнее. Его пальцы на мгновение коснулись её голенища сапога. Короткое прикосновение, но оно обожгло сквозь кожу.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Кейн смотрел на неё снизу вверх, и в этом взгляде было что-то такое, от чего перехватило дыхание. Он не сразу отпустил её руку.

— Всё в порядке? — спросил он.

— В порядке, — выдохнула Элайна.

Он отступил, сел на своего коня.

Староста вышел навстречу. Протянул бурдюки.

— Вода из нового колодца, — сказал он. — Чистая. И еда. Лепёшки, сыр, вяленое мясо. Хватит на неделю.

Элайна наклонилась в седле, приняла дары.

— Это слишком много, — сказала она. — Я вызвала дождь не для платы.

— Для жизни, — поправил староста. — А жизнь бесценна. Но мы знаем цену золоту. Берите. И ещё... — Он понизил голос, оглянулся на своих. — Остерегайтесь Белого Дворца.

— Мы будем осторожны, — сказал Кейн. Он подъехал ближе, встал плечом к плечу с Элайной. Единым фронтом.

— Будьте, — староста отступил. — Ветер вам в спину.

Они выехали из ворот. Последнее, что видела Элайна — люди, стоящие на крышах и машущие им руками. Не с мольбой. С благодарностью.

— Хорошие люди, — сказала она, когда поселение скрылось за дюной.

— Выживающие люди, — ответил Кейн. — Но да, хорошие.

Он достал свою флягу, отхлебнул. Протянул ей.

— Пей. Староста сказал правду — вода чистая.

Элайна взяла флягу. Их пальцы соприкоснулись. Кейн не отдернул руку сразу. Подержал её ладонь в своей. Чуть дольше, чем требовала вежливость.

— Спасибо, — сказала она. Вернула флягу.

— Не благодари, — Кейн убрал воду в сумку. — Впереди долгий день. Держись ближе к моей тени. Солнце сегодня злое.

День тянулся медленно, словно время в пустыне тоже подчинялось каким-то своим, искажённым законам.

Солнце стояло в зените, превращая воздух в дрожащее марево. Горизонт плыл, искажая очертания дюн, делая их похожими на спины спящих чудовищ. Жара была физической силой, давящей на плечи.

Но внутри Элайны было спокойно.

Она ехала в ритме шагов Ветки. Покачивание в седле стало привычным, почти уютным. Руки, сжатые на поводьях, не дрожали. Бинты под перчатками оставались сухими. Осколок у ключицы пульсировал редко и мягко, словно спящее сердце.

Кейн ехал впереди. Он не оборачивался часто — только чтобы проверить, не отстали ли они. Но каждый раз, когда их взгляды встречались, он чуть кивал. Это было похоже на беззвучный вопрос: «Всё в порядке?». И её ответный кивок: «Всё в порядке».

Зик дремал на её плече, изредка открывая один глаз.

— Скучно, — пожаловался он в полудрёме. — Песок, песок, ещё песок. Если я увижу ещё одну дюну, я укушу себя за хвост от тоски.

— Потерпи, — сказала Элайна. Голос звучал уверенно. — Скоро будет вода.

— Ты чувствуешь? — Кейн повернулся в седле. Ветер трепал полы его плаща.

— Кристалл тянет, — Элайна коснулась груди. — И воздух изменился. Пахнет... цветами.

Кейн принял.

— Я чувствую только пыль.

— Потому что ты человек, — фыркнул Зик. — У тебя нос забит пылью и упрямством.

Кейн не ответил. Только усмехнулся. Уголок его губ дрогнул — движение настолько быстрое, что его можно было бы не заметить, если бы Элайна не смотрела на него постоянно.

Она ловила себя на мысли, что изучает его профиль. Линию носа, шрам над бровью, то, как волосы прилипают ко лбу от пота. Он почувствовал её взгляд. Обернулся.

— Что?

— Ничего, — Элайна отвела глаза. Щёки предательски горели. — Просто... спасибо. За то, что охранял мой сон вчера ночью.

Кейн помолчал. Натянул повод, замедляя коня, чтобы поравняться с ней. Их колени соприкоснулись в сёдлах. Тёплое, тяжёлое касание.

— Я говорил, — сказал он тихо. — Контракт.

— Ты сидел у входа. Всю ночь.

— Я спал.

— Ты не спал. Я слышала твоё дыхание. Оно не менялось.

Кейн посмотрел на неё. В его тёмных глазах отразилось солнце, сделав их почти янтарными.

— Тебе нужно было знать, что ты в безопасности, — сказал он просто. — Это часть работы.

— Только часть?

Он не ответил сразу. Смотрел на неё долго, словно взвешивая слова. Потом кивнул куда-то вперёд.

— Смотри.

Элайна повернула голову.

Они поднялись на гребень высокой дюны, когда солнце уже коснулось горизонта, окрасив небо в фиолетовые и оранжевые тона.

И внизу, словно мираж, ставший реальностью, раскинулся оазис.

Это не было похоже на те жалкие лужицы воды, что они встречали раньше. Это было сердце пустыни. Огромное озеро с кристально чистой водой окружали сады. Пальмы тянулись к небу, их кроны шелестели на ветру. Белые стены зданий сияли в сумерках, отражая свет угасающего дня.

Но главным было то, что возвышалось в центре, на искусственном острове посреди озера. Дворец.

Он не был похож на крепость. Это было сооружение из белого камня и голубой плитки, с множеством башен, куполов и открытых галерей. Вода текла по каналам прямо внутри стен, создавая музыку ветра и струй. Даже отсюда было видно движение фигур в садах, вспышки тканей, огоньки факелов, которые зажигали заранее, несмотря на день.

— Коллекционер, — прошептала Элайна.

— Богач, — поправил Кейн. Его голос был сухим, но в глазах читалась оценка. — Укрепления слабые. Станции открыты. Они не боятся нападения.

— Они уверены в своей защите, — сказала Элайна.

— Или в своей силе, — Кейн тронул повод. — Спускаемся. Но ближе чем на километр не подъезжаем. Нам нужно узнать, что происходит.

Лагерь торговцев и путников разбился у границы оазиса, чуть в стороне от главной дороги. Здесь было шумно, пахло специями, жареным мясом, верблюжьей шерстью и конским потом. Люди сновали между палатками, грузили тюки, поили лошадей у временных поилок.

Кейн остановил коня в тени высокой пальмы, подальше от основного шума.

— Ждите здесь, — сказал он Элайне. — Я узнаю, что происходит.

— Я пойду с тобой, — начала Элайна.

— Нет, — Кейн посмотрел на неё. Твёрдо, но без грубости. — Ты ведьма. Здесь ты либо товар, либо угроза. Я просто путник. Мне проще разговаривать людей.

Элайна кивнула. Не стала спорить. Доверяла.

Кейн спрыгнул с седла. Пошёл к ближайшему костру, где сидели несколько мужчин в богатых халатах. Он не подходил вплотную, не задавал прямых вопросов. Он просто встал рядом, послушал, кивнул. Через пять минут он уже смеялся над чьей-то шуткой. Через десять — ему наливали вино из общего котла.

Элайна наблюдала, сидя в седле. Зик высунул нос из-за ворота.

— Он хорош, — признал ящерица. — Слишком хорош. Ты уверена, что он просто наёмник?

— Уверена, — сказала Элайна. Но в голосе была неуверенность.

Кейн вернулся быстро. В руках у него было два стакана с чем-то тёмным. Он протянул один Элайне.

— Праздник, — сказал он. Оперся рукой о стремя её лошади. Так, что их руки оказались рядом. — У Коллекционера сегодня день рождения. Или годовщина сбора коллекции. Неважно. Важно то, что ворота открыты для гостей.

— Для гостей? — Элайна взяла стакан. Вино пахло пряностями и мёдом.

— Для любых гостей, у которых есть подарок или золото, — Кейн сделал глоток. Посмотрел на неё. Оценивающе. — Мы можем войти.

— Как гости?

— Да.

— У нас есть золото, — Элайна кивнула на мешок, данный старостой. — Но у нас нет подарка.

— У нас есть ты, — сказал Кейн.

Элайна замерла. Стакан остановился на полпути ко рту.

— Что?

— Ты ведьма, — Кейн поставил стакан на седло. Шагнул к ней. Встал между её колен, когда она сидела в седле. Его руки легли на её бедра, чтобы удержать равновесие. Или чтобы коснуться. — Для Коллекционера ты — лучший подарок. Редкий экземпляр. Стабильная магия...

— Ты хочешь продать меня? — голос Элайны стал холодным.

— Я хочу, чтобы мы вошли внутрь, — Кейн смотрел ей в глаза. В упор. — Ты будешь гостьей. Я — твоей охраной. Мы найдём осколок. И уйдём.

— А если он захочет меня оставить?

Кейн наклонился ближе. Его дыхание коснулось её лица. Пахло вином и мятой. Расстояние между ними сократилось до минимума. Элайна видела каждую ресницу, каждый шрам.

— Тогда ему придётся иметь дело со мной, — сказал он тихо. — Я не отдам тебя. Контракт ещё действует.

Это не было признанием. Это было обещанием. Твёрдое, как сталь его клинка.

Элайна смотрела на него. На его губы. На глаза, в которых не было лжи. Только решимость. И что-то ещё. Что-то, что заставило её сердце забиться чаще.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Мы идём.

— Тогда давай приведём тебя в порядок, — Кейн отступил. Но его руки задержались на её талии на мгновение. — Ты не можешь войти в пыльном плаще.

— У меня нет другой одежды.

— У торговцев есть, — Кейн кивнул на лагерь. — Купим. Что-то... подходящее.

— Подходящее для чего?

— Для того, чтобы все смотрели на тебя, — сказал Кейн. — И никто не смотрел на мои руки.

Он развернулся. Пошёл к палаткам.

Элайна сидела в седле. Сердце билось часто. Не от страха.

Зик высунул голову полностью.

— «Я не отдам тебя», — передразнил он Кейна. — Ты заметила, что он не сказал «контракт запрещает»? Он сказал «я не отдам».

— Молчи, Зик, — сказала Элайна. Но улыбалась.

Она посмотрела на дворец. Огни зажигались один за другим. Музыка доносилась даже сюда, сквозь шум лагеря. Звуки лютни и флейты сплетались с шумом воды.

— Ладно, — сказала она. — Пусть смотрят.

Она тронула повод. Ветка пошла за Кейном.

Впереди был дворец. Впереди была опасность.

Но сейчас, когда ветер приносил запах специй и вина, а впереди шёл человек, готовый защитить её от всего мира, Элайна чувствовала не страх.

Предвкушение.

Торговый лагерь разросся у самых ворот оазиса, словно грибница после дождя. Палатки разных цветов и размеров лепились друг к другу, соединённые переходами из тканей. Воздух здесь был густым от запахов: жареное мясо, сладкий табак, пряности, конский пот и дешёвые духи, которыми пытались перебить запах пустыни.

Кейн вёл лошадь сквозь толпу. Люди расступались перед ним. Не потому что боялись — хотя рука на рукояти меча говорила сама за себя — а потому что от него исходила такая концентрация силы, что сталкиваться с ней не хотелось. Элайна ехала следом, кутаясь в плащ сильнее, чем обычно. Вечерний воздух остывал, но дело было не в холоде.

— Сюда, — Кейн остановился у большой палатки из бордового бархата. Над входом висели фонари из цветного стекла, бросавшие на песок узоры, похожие на драгоценные камни. — Лучшие ткани у Мирзы. Он торгует с самим Коллекционером.

Элайна спешила. Ноги затекли после долгого пути. Она поправила плащ, чтобы скрыть фигуру.

— Зачем нам дорогие ткани? — спросила она, хотя уже догадывалась.

— Чтобы ты не выглядела как беглая служанка, — Кейн привязал поводья Ветки к коновязи. Повернулся к ней. В свете фонарей его лицо казалось ещё более резким. — Коллекционер ценит красоту. Но он ценит её в правильной оправе.

— Я не игрушка, Кейн.

— Я знаю, — он шагнул к ней. Слишком близко. Элайна почувствовала запах кожи и металла. — Но сегодня вечером ты должна ею притвориться. Чтобы получить то, что хочешь.

Он откинул полог входа.

— Заходи.

Внутри палатки было прохладно. Пол устлан коврами такой толщины, что шаги тонули в ворсе. По стенам висели ткани — шёлк, парча, тончайший лён. В углу стояло высокое зеркало в бронзовой раме, потускневшей от времени.

За прилавком сидел мужчина. Пожилой, с тонкими усиками и глазами, которые видели всё. Он не поднялся при их входе, только кивнул.

— Наёмник, — сказал он Кейну. — И дама. Редкое сочетание. Обычно дамы не любят пыль на сапогах.

— Нам нужна одежда, — сказал Кейн. — Для праздника. Во дворце.

Торговец улыбнулся. Улыбка была мягкой, но в уголках глаз собрались морщинки хитрости.

— Для праздника у Коллекционера... — Он поднялся, медленно, словно каждое движение требовало усилий. — Это особый случай. Обычный шёлк не подойдёт. Нужно что-то... запоминающееся.

Он вышел из-за прилавка. Обошёл Элайну кругом. Его взгляд был профессиональным, оценивающим, без похоти. Он смотрел на неё как скульптор на глину.

— Рыжая, — заметил он. — Редкость в этих краях... Знак силы. Или проклятия.

— Одежду, — напомнил Кейн. Голос был низким. Предупреждающим.

Торговец усмехнулся. Хлопнул в ладоши. Из глубины палатки вышли двое помощников. Принесли свёртки.

— Вот, — торговец развернул ткань.

Элайна ахнула.

Это не было платье в привычном понимании. Это был набор из тончайшего шёлка цвета сочного, нежного персика, расшитого серебряными нитями. Широкие шаровары, прозрачная туника, пояс из золотых цепочек. И много вуалей.

— Это... слишком открыто, — сказала Элайна. Потрогала ткань. Она была холодной и скользкой, как вода.

— Это восточный стиль, — поправил торговец. — У Коллекционера любят красоту тела. Они считают, что кожа — это тоже одежда. Только более честная.

Элайна посмотрела на Кейна.

Он стоял у входа. Лицо каменное. Но пальцы правой руки сжались на рукояти меча так, что костяшки побелели.

— Примерь, — сказал он. Голос звучал чуть хриплее обычного.

— Кейн...

— Это часть плана, — он не смотрел на неё. Смотрел на зеркало. — Если ты войдёшь туда в штанах и плаще — тебя спросят, кто ты. Если войдёшь в этом... — Он наконец поднял глаза. Встретился с ней взглядом. — Они спросят, чья ты.

— Чья? — переспросила Элайна.

— Ты совершенно свободна!, — сказал Кейн. Просто. Будто отрезал. — Идешь.

Элайна почувствовала, как жар поднимается от шеи к лицу. Она кивнула. Взяла свёрток. За ширмой в углу было тесно. Зик спрыгнул с её плеча на полку.

— Ну что, — прошипел он. — Примерка перед балом. Классика. Только обычно в таких историях герой не смотрит на героиню так, будто хочет её съесть. Или убить кого-то другого.

— Тише, Зик, он услышит... — прошептала Элайна.

Она сняла плащ. Потом рубаху. Воздух в палатке коснулся голого тела, кожа покрылась мурашками. Она посмотрела на свои руки.

Бинтов уже на руках не было...

Она разматывала их сегодня утром, ожидая увидеть кровь, гной, новые ожоги. Но сегодня... сегодня кожа была чистой. Розовой, нежной, местами ещё блестящей от новой ткани, но целой. Шрамы от ожогов побледнели, превратившись в тонкие серебряные нити, почти незаметные в сумраке. Обморожение от схватки с Шаем исчезло бесследно.

Слияние осколков лечило не только магию. Оно лечило её саму.

Элайна повернула ладони. Сжала и разжала пальцы. Никакой боли. Никакой дрожи. Только сила.

— Осколок, — напомнил Зик.

Элайна взяла цепочку с кристаллом. Камень был тёплым. Она спрятала его в лиф туники, между тканью и кожей. Холодный кристалл коснулся груди.

— Спрячь глубже, — посоветовал Зик. — Чтобы не светился сквозь ткань.

Элайна задвинула камень ниже, в тень складок. Он перестал просвечивать. Осталось только тепло на груди.

Она натянула шаровары. Ткань облегла бёдра, не сковывая движений. Пояс из цепочек лёг на талию, холодно звякнул. Туника была полупрозрачной, оставляя открытым живот и часть спины. Вуаль крепилась на золотых застёжках у ключиц.

Элайна подошла к зеркалу.

Оттуда смотрела незнакомка. Рыжие волосы рассыпаны по плечам. Глаза казались больше, зелёнее.

Она выглядела... опасно.

И её руки. Открытые, голые, сильные. Больше не нужно было прятать их в бинты. Больше не нужно было стыдиться шрамов.

— Готова? — спросила она себя.

— Нет, — ответил Зик. — Но кто когда готов к глупостям?

Элайна выдохнула. Откинула полог ширмы.

Вышла.

Ковер глушил шаги, но цепочки на поясе тихо звенели. Она чувствовала себя голой. Воздух касался кожи там, где привык чувствовать ткань. Каждый вдох ощущался иначе.

Кейн стоял у зеркала. Он поднял взгляд на Элайну.

Время остановилось.

Элайна видела, как изменилось его лицо. Маска безразличия треснула. Глаза потемнели, зрачки расширились, поглощая радужку. Взгляд скользнул по её ногам, по поясу, по животу, остановился на лице.

И на руках.

Он заметил. Заметил, что бинтов нет. Что кожа чистая. Его взгляд задержался на её ладонях, лежащих вдоль тела. Открытых. Уязвимых.

Он сглотнул. Адамово яблоко дёрнулось на шее.

Рука, лежащая на мече, дрогнула. Он сжал рукоять сильнее, будто это была единственная вещь, удерживающая его на месте. Элайна видела, как напряглись мышцы его предплечья.

Он не просто оценивал риск. Он реагировал. Как мужчина.

Элайна почувствовала это. Волна жара прошла по её телу, отзываясь в животе. Она не отвела взгляд.

— Тебе... нравится? — спросила она. Голос дрогнул.

Кейн молчал секунду. Потом кивнул. Медленно.

— Слишком нравится, — сказал он. — Это ошибка.

— Какая ошибка?

— Я должен защищать тебя, — Кейн протянул руку. Коснулся края вуали на её плече. Пальцы дрожали. Чуть-чуть. Его кожа обожгла её ключицу. — А сейчас я хочу...

Он не закончил. Убрал руку. Сжал её в кулак. Опустил вдоль тела. Выпрямился. Будто физически заставил себя вернуться в роль наёмника.

— Это работает, в любом случае, — сказал он. С усилием. Будто каждое слово давалось тяжело. — Они будут смотреть на тебя. Забудут про охрану. Забудут про оружие.

— А ты? — спросила Элайна. — Ты забудешь?

Кейн поднял глаза. В них плескалась буря. Тёмная, глубокая, опасная.

Он отвернулся. Резко. Будто физическая боль заставила его разорвать контакт.

— Берём, — бросил он торговцу. Не глядя.

Торговец улыбался. Улыбка стала шире. Умнее.

— Хороший выбор, — сказал он. — Дама будет королевой вечера.

Кейн бросил на прилавок мешочек с золотом. Не считая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.